

84(2>411.2)6

4-49

Николай ЧЕРНЯЕВ-СЕВЕРОВ

**РАЗНЫЕ
СУДЬБЫ**

Дорожна китаянка
центральной субстанции
с большой скоростью пожел-
тели от участка в
Стежественской Воиной,

Живалер ордена „Александр
Невского“ № 150520142

84(2=441.2)6
4-43

Николай Черняев-Северов

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

книга воспоминаний

081 370002

Мегион ЦБ-КО

МБУ «Централизованная
библиотечная система»

Инв № 81370/2-1

1

ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч49

Черняев-Северов Н.И.

Ч 49 Разные судьбы: воспоминания, стихи /Мегион. – «Лига». – 2014.

В книге собраны воспоминания ветерана Великой Отечественной войны, кавалера Ордена Александра Невского, Черняева Николая Ивановича, написанные им лично, стихи разных лет, а также фото из личного архива.

Автор выражает благодарность Татьяне Владимировне Юргенсон за помощь в подготовке книги, Совету ветеранов Войны и труда г. Мегиона и лично Вячеславу Ивановичу Качапкину, председателю Совета, а также спонсору, ООО «Регионсервиснефть» и лично Лапычеву Игорю Леонтьевичу.

*Посвящается правнуку
Андрею Александровичу
Черняеву.*

*«Выживает не самый
сильный и не самый умный,
а тот, кто лучше всех
приспосабливается
к изменениям»*

Ч. Дарвин

Во время войны до призыва в армию я работал в Астрономо-геодезическом отряде №7 Московского Аэрогеодезического предприятия. Съёмку проводили в Прилузском районе Коми А.С.С.Р. За работу к основному заработку нам начисляли северные надбавки.

Когда после форсирования Днепра мы с остатками взвода, которым я командовал, оказались в плену, свои фамилии не назвали, а придумали псевдонимы: Лунин Николай назвался Новиковым в честь маршала авиации, Саша Кузнецов – Петровым, а я Северовым.

И вот на восемьдесят девятом году свой сборник «Разные судьбы» подписываю двойной фамилией Черняев-Северов. Этот эпизод я написал для внуков и правнуков, а в основу моего псевдонима легли северные надбавки.

Николай ЧЕРНЯЕВ

Точка отсчёта

Находясь в Ульяновском онкологическом диспансере, где мне сделали операцию, и, наблюдая за больными, я увидел схожесть их с тяжелоранеными во время войны. Под этим впечатлением решил написать о некоторых событиях в своей довольно продолжительной жизни.

В палате нас было пять человек разных возрастов. Завотделением ежедневно проводила обход и назначала лечение. Медсёстры делали перевязки. Всё делалось как надо, только вот малейшего сочувствия к больным, душевного отношения не было и в помине. Хирург, делавший мне операцию, после операции ни разу не подошёл. . .

Вспомнился мне военный госпиталь в г. Инстербурге (ныне г. Черняховск). Во время боёв в Восточной Пруссии было много раненых. Я лежал в офицерской палате. Палата большая, раненых много. Ранения разные. Были и со смертельными. Медсёстры, не смотря на усталость, находили каждому ласковое слово, ласковое прикосновение, особенно к умирающим.

Я лежал в гипсе и не мог вставать. Стеснялся пользоваться «судном» при молоденьких санитарках. Об этом доложили врачу. Ко мне во время обхода подошёл начальник госпиталя майор Горохов, осмотрел и распорядился приставить ко мне выздоравливающего солдата из соседней палаты для этих дел. Солдат был пожилой, должен уже выписываться и очень доволен был, что из-за меня несколько задержится. Ведь война уже заканчивалась. В этом же госпитале лечился солдат из нашей деревни.

В госпитале мне вручили орден «Александра Невского». Я ещё не мог вставать. Военврач майор Горохов при обходе уделил мне внимание, говорили обо всём. Я ему сказал, что был в плену, и он мне тогда посоветовал, чтобы я нигде и никогда не хвалил что-либо немецкое. Я только позднее понял значение слов этого доброго, мудрого пожилого доктора.

В госпиталь поступили посылки от Элеоноры Рузвельт,

жены американского президента. Эти посылки адресованы раненым офицерам Советской армии, и одну из посылок вручили мне. Её вскрывали при замполите. Там была небольшая книжка «Евангелие». Её убрали, а остальное мы вместе с другими ранеными использовали по назначению.

Юность

В начале самостоятельной жизни очень важно, с какими людьми приходится встречаться. Поговорка – с кем поведёшься, от того и наберёшься, – очень точно это подтверждает. Мне везло на встречи с простыми, добрыми людьми.

В начале войны я работал в астрономо-геодезическом отряде №7 Московского аэрогеодезического предприятия. Отряд проводил съёмку местности для составления военных карт. Вместе со мной поступил на работу в отряд Терентьев Николай Анатольевич с завода «Красная звезда» Егоровского сельсовета. Мы вместе с ним учились в Егоровской неполной средней школе.

Начальник отряда, техник-геодезист Пётр Матвеевич был таким человеком. Когда рабочие бригады во время получки решили выпить, включили и меня. Пили мятный ликёр. Я пил первый раз и напился. Мне было семнадцать лет.

Пётр Матвеевич сделал замечание бригадиру, а рабочим сказал, чтобы при следующей получке на мою долю брали конфет, а не вина и водки. А мне доброжелательно рассказал о вреде выпивок в случайное время и со случайными людьми, особенно в подростковом возрасте. Это помогло мне не злоупотреблять при получении фронтовых ста грамм, да и в дальнейшем на работе при выпивках с начальниками при разных проверках. Кроме того, он показал мне аэрофотоснимки и монтаж снимков этой местности, где проводилась съёмка.

Я научился по снимкам находить на местности те участки, которые сфотографированы. Это помогло мне при изучении военной топографии в пехотном училище.

У отряда было предписание ко всем властям, обязывающее их оказывать всяческое содействие при выполнении съёмочных работ.

Петр Матвеевич выдал нам удостоверения помощников техника-геодезиста. С этими удостоверениями мы получали от колхозов подводы для перевозки оборудования, от леспромхоза – продукты питания. Военком Прилузского военкомата Коми АССР, учитывая эти удостоверения, направил нас в пехотное училище. В училище отбирали призывников со средним образованием, а у нас было семь классов. До этого мы проходили в военкомате допризывную военную подготовку по программе в сто десять часов.

В училище

Училище находилось в Великом Устюге, на родине Деда Мороза. Оно было эвакуировано из Пуховичей Белорусской ССР. При поступлении в училище нас выстроили по ранжиру, т.е. самые высокие впереди в колонну по четыре, самые низкие в конце колонны. Разделили на четыре батальона. В первом батальоне более высокие, во втором пониже, в третьем ещё ниже, в четвёртом самые низкорослые. По этому же принципу построили взводы в ротах. Это делалось для того, чтобы подразделение выглядело более монолитно.

В дальнейшем такое распределение по росту сказалось на судьбах ребят. В декабре весь четвёртый батальон был срочно отправлен на фронт рядовыми бойцами под Сталинград в самое пекло войны.

Казарма на втором этаже. Во взводе сорок человек. Жили в одной комнате. Кровати двухъярусные. Первые дни учили ровно заправлять койки, быстро одеваться по команде «подъём» и также быстро укладываться спать при команде «отбой». Вторая команда нам больше нравилась.

Помощник командира взвода, старший сержант, был

старше нас. Он ранее служил в войсках НКВД – охранял заключённых. Командиры отделений были тоже из наших курсантов.

Занятия проводил командир взвода лейтенант Чепурков. Отличный строевик, всегда опрятно одетый, подтянутый, умеренно требовательный. Даже в сильные морозы ходил в хромовых сапогах, хорошо подогаанных и начищенных до блеска.

Мне хотелось когда-нибудь быть похожим на него. В этой связи помню ещё одного офицера уже на фронте. В одно время нашим батальоном командовал майор Тарасов. Даже во время боёв он был всегда опрятно одетый с чистым белым подворотничком, чисто побритый, внешне спокойный, уверенно подающий команды. Своим поведением внушал какое-то успокоение и уверенность. Командовал он у нас не долго, наверное был повышен в должности.

В училище нам преподавали тактику, военную топографию, особенно много уделяли внимания огневой подготовке и штыковому бою. Для штыкового боя чучела расставлялись так, чтобы на бегу выполнить больше разных приёмов. Выполнялись команды: «Коротким коли», «Влево отбей прикладом, сверху бей», «Коли длинным с выпадом» и т.д. В то же время проводили беседы по психологии. В каждом чучеле мы должны были представлять живого врага, которого надо безжалостно заколоть, помня о том, что враг не чучело и не стоит на месте, а тоже нападает для нанесения удара. Надо и взглядом, и решительным поведением подавить противника.

Много тренировались на турнике, брусьях, коне, катались на лыжах по лесу со спусками и подъёмами. Совершали марш-броски на сорок километров с полной выкладкой. На финише нас встречал духовой оркестр. Зимой проводили полевые учения с ночёвкой в лесу.

Мне сравнительно легко удавались марш-броски и полевые учения. Это, наверное, помогла работа в геодезическом отряде, где целый день на ногах и были нередки ночёвки в лесу.

Труднее всего было катание на лыжах. Ребята из северных областей свободно спускались среди деревьев по склону. Я на крутом склоне мысленно видел где могу упасть и падал в том самом месте, которого боялся.

На лекциях по политподготовке после занятий на морозе в тёплом помещении под монотонный голос замполита капитана Галяткина дружно засыпали. Чтобы нас разбудить звучала команда «встать!», и снова продолжались занятия.

Изучали темы: «Что такое война» и «Войны справедливые и несправедливые». Я запомнил, что «война – это продолжение политики иными средствами, средствами насилия». И что эта война для нашей страны справедливая.

Постоянно уделялось внимание строевой подготовке. На первых же занятиях командир взвода показал приёмы построения и перестроения взвода, умение приветствовать на месте и в движении. При докладе командиру требовалось смело смотреть ему в глаза, вырабатывать уверенность и не допускать страха перед начальством. При докладе или приветствии «ешь командира глазами» – говорил он.

На первых занятиях мы чувствовали скованность. Шли противоестественно – левую ногу и левую руку вперед, путали выполнение команд.

По мере навыков он нам поручал по очереди командовать отделениями. Вырабатывалась требовательность к подчинённым.

Ввёл правило приветствовать друг друга при каждой встрече и точно прикладывать руку к козырьку. При прохождении около дневального переходить на строевой шаг и отдавать честь строго по уставу. Учил вырабатывать командный голос. Команды разным подразделениям различны по протяжности.

Взводу – кратко и резко «Взвод!»

Роте – более протяжно – «Р-р-о-та!»

Батальону – «Ба-галь-о-о-о-он!»

Нам, мальчишкам, это нравилось.

В училище было подсобное хозяйство, на котором выращивалась капуста, и там был пост. На том посту мы стояли по очереди. Поблизости никого не было. Ряды капусты ровные. Я громко подавал команду: «Взвод! Равняйся! Смир-рно!» Команды исполнялись безукоризненно. «Строй» стоял не шелохнувшись. Переходил на командование «ротой» и даже «батальоном». Самая протяжная и громкая команда «батальону». Однажды после смены поста захватил вилок для отделения. Поднимался по лестнице, навстречу спускался командир роты лейтенант Рудаш. У меня рот занят капустой, говорить не могу. Развернулся во фронт лихо козырнул и вытаращенными глазами стал «есть начальство». Он на приветствие не ответил, а тоже надул щеки, вытаращил глаза и прошёл мимо не сделав никакого замечания.

Когда после окончания училища зачитали приказ о присвоении звания он, поздравляя, крепко пожал мне руку и сделал дружески ту же гримасу. Наши офицеры-педагоги бережно к нам относились, знали куда нас готовят и что нас ждёт.

И ещё, уже после войны, командовал полком подполковник Ким – кореец по национальности. И я впервые ему докладывал о чём-то слишком увлечённо «ел его глазами». Он указал на свои щёлки глаз и сказал с юмором: смотри не сюда, а вот на это, и указал на погоны с двумя просветами и двумя большими пятиконечными звёздочками. И в этом тоже было какое-то уважительное отношение.

Всё передвижения только строем. Во время движения строго следили за равнением в рядах, соблюдением дистанции на вытянутую руку, за чёткостью шага и обязательно с песней. Даже умываться бегали к роднику строем и раздетыми до пояса.

Увольнения нам не давали, и мы видели местное население, когда с песнями шли в баню.

О бане

Нам на отделение выдавали кусок мыла, а мы это мыло меняли на пиво. Рядом с училищем был пивзавод, и женщины приносили нам за мыло ведро свежего, ещё тёплого пива. Мы ковшем выпивали это пиво и долго ощущали чувство сытости.

Позднее нам мыло стали выдавать уже в бане каждому по маленькому кусочку. Бизнес с пивом закончился.

Для училища заготавливали дрова. У берегов реки уже образовалась корка льда, а мы из неё вытаскивали тонкомерные брёвна и несли их в училище на плечах, как Ленин на субботнике. Брёвна при молевом сплаве образовывали заторы и приходилось лезть в ледяную воду и направлять брёвна к берегу. На берегу жгли большие костры на длину брёвен, и, выйдя из воды, одевались и грелись. В воде находились по несколько минут по очереди. Курсант Бакаин оформлял боевой листок, где отмечался энтузиазм курсантов при выгрузке брёвен из реки. Он отлично рисовал, и стенгазета получалась интересной. Несколько курсантов простудились и лечились в госпитале. Я застудил лёгкие и переболел правосторонним плевритом.

После окончания училища мы несколько дней находились в казарме. Но уже занимались на свободную тему. Нас учили танцевать, занимались боксом и фехтованием. Нам выдали офицерскую форму и кобуру для пистолета.

2 мая 1943 года мы выехали на фронт. День был солнечный и тёплый. Нас провожали жители города. Когда пароход отчалил, звучала песня «Прощай любимый город». Пели и на пароходе, и на берегу. Провожаящие не только пели, но и плакали.

На фронт

На пароходе шли недолго. Пересели на поезд, нас посадили в багажный вагон. Вагон чистый. Дверь открыта, воздух

свежий. На душе светло. В училище питание было хорошее, и в последние дни без учебной нагрузки все поправились, по-свежели.

Любуемся своей формой и офицерскими ремнями. В кобуру положили свёрнутые полотенца вместо пистолетов. До Москвы ехали в приподнятом настроении. В Москве не задержались. Ехали дальше. Навстречу шли эшелоны с ранеными. Тяжело раненых везли в тыловые госпитали.

Некоторые из этих раненых не доехали даже до фронта – попали под бомбежку.

Стал задумываться о предстоящем. Было большое желание доехать до фронта и поучаствовать хотя бы в одном бою.

В резерве фронта

В конце мая прибыли в резерв Центрального фронта. Нам показывали глубоко эшелонированную оборону. Питание по сравнению с училищем слабое. Собирали щавель для столовой. Наступило лето. Погода жаркая. Мы шли после сбора щавеля в разброд, гимнастёрки расстёгнуты, некоторые без пилоток. Нас обогнала легковая автомашина. В ней сидел крепкий мужчина в белой безрукавке, руки загорелые, лицо крупное, волевое. Строго сказал: «Это что за Иусово войско?» и спросил – «Кто старший?» Среди нас был старший лейтенант-фронтвик. Он принял на себя ответственность за нашу группу. Мы построились, тогда мужчина, показав кулак, уже не так строго сказал: «Я научу вас Сталину служить!» и уехал. Мы потом узнали, что это был разжалованный маршал Кулик, в то время командовавший танковым корпусом.

Наблюдали воздушные бои. Метров за сто видели командующего фронтом Константина Константиновича Рокоссовского со свитой. Он был в белом кителе.

Затем нас с Николаем Терентьевым направили в резерв тринадцатой армии, которой командовал генерал-лейтенант Пухов.

Из армейского резерва я попал в сто восемьдесят первую стрелковую дивизию войск НКВД. До начала Курской битвы я находился в резерве двести семьдесят первого полка этой дивизии. Мы, молодые офицеры, ещё не участвовавшие в боях, ходили на передний край обороны и знакомились с реальной боевой обстановкой. Нас готовили к замене командиров взводов в любом батальоне.

Пятого июля началось наступление немцев. Я находился во втором эшелоне, и это было первое знакомство с разрывами бомб и снарядов по нашим траншеям. В этот день написал домой письмо, что меня переводят в другую часть, чтобы в случае гибели подольше не узнали.

Потом перешли в контрнаступление, и наша дивизия уже была в первом эшелоне. Я принял взвод. Стояла очень жаркая погода, и трупы немецких и наших солдат, убитых при отступлении на ржаном поле разлагались, издавая трупный запах. На дороге лежали немецкие солдаты раздавленные танками. Сплошные разрывы бомб, снарядов, мин, беспрерывно строчили пулеметы и автоматчики. Мы короткими перебежками передвигались к траншеям противника.

При артиллерийском налёте я прыгнул в окоп. Кругом рвались снаряды. В окопе сидел убитый солдат без пилотки. Я коснулся лицом его головы. Стриженные черные волосы мертвеца были жёсткие, как щётка, голова холодная.

Я от суеверного страха выскочил из окопа, не обращая внимания на разрывы мин и снарядов, и продолжал вместе со взводом бежать к окопам врага. Единственной мыслью было, чтобы не отстать от других.

Стоны раненых, крики командиров, поднимающие отступающих солдат. Грохот боя, и голоса бегущих навстречу смерти или победе. Впечатление какой-то нереальности, как будто это происходит не со мной. Таким был мой первый, далеко не героический бой, о котором я думал в дороге.

Запомнился бой за деревню Ржава. Немцы, отступая, жгли дома. Когда вошли в деревню, дома уже догорали. Стояли

печи с трубами и вокруг горящие угли. Нам не подвезли кухню, и солдаты, которые постарше, нашли где-то муки, замесили тесто, и на прокалённых лопатах пекли пресные лепёшки. Не солёные, не очень вкусные, но есть можно.

Бой при форсировании Десны: бомбы и снаряды рвались в воде, и глушённая рыба всплывала серебристыми островками и плыла по воде, как перистые облака по небу. Если же бомба или снаряд попадали в плот, то плыли уже бурые пятна.

Форсирование Днепра второго октября 1943 года было самым трагичным во всей моей биографии. Я оказался в плену со своими солдатами. Надо отдать должное солдатам, они и в плену прислушивались к моему мнению.

В плену находились в тюрьме города Бобруйска. И самым омерзительным было то, что надзирателями были кубанские казаки в своей казачьей форме с красными лампасами. Откормленные, вызывающе наглые и беспощадные.

Глядя на них, у меня было самое сокровенное желание хотя бы ещё раз оказаться на фронте и продолжить воевать, чтобы семья не пострадала из-за моего пленения. И это мне удалось. Когда нас стали перегонять из Бобруйска, охраняли уже немецкие солдаты, и нам всем вместе удалось бежать.

В партизанском отряде

После побега из плена встретились с партизанами. Они нас привели в отряд имени Суворова партизанской бригады 225 Полесского соединения.

В отряде отношение к нам было разное. Некоторые сочувствовали и помогали советами, большинство относилось безразлично. Из-за постоянных облав карателей отряд часто менял свое местонахождение. Были запасные базы в разных местах.

Во время нахождения в отряде впервые увидел повешенных на деревьях вдоль дороги и убитого в землянке. Была вес-

на. Ночью я услышал звуки похожие на плач ребенка. Ведь в лесу скрывались и местные жители. Я сказал об этом партизану, бывшему учителю географии. Он объяснил мне, что это кричат зайцы. Впервые от него же услышал песню «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат». У него было крупное лицо, похожее на Маяковского. Он пел стоя, а партизаны, сидя у костра, молча слушали эту задушевную песню.

В одно время в отряде не было соли, и тогда в кадушках разводили удобрение. Вода отстаивалась, и солёную воду использовали как соль. Нам говорили, что это вредно для печени и советовали солить как можно меньше.

Местные жители семьями скрывались от немцев в лесу и жили в будангах типа большого шалаша. Мы, когда шли на задание, иногда заходили к ним. Люди они приветливые, угощали нас картофелем с толчёным конопляным семенем. Очень вкусно и питательно.

После проверки командир отряда относился ко мне благосклонно и дал возможность участвовать в подрывах поездов и ставить мины на шоссежных дорогах. При выполнении заданий в нашей группе не было случая использования тола не по назначению. Партизаны, народ не разговорчивый и во время выполнения заданий всё делали молча.

При соединении с армией на нашем участке немцев не оказалось, и встретились без боя. Сразу же стали формировать из партизан армейские подразделения. И мы расстались с моими боевыми товарищами, помощниками при побеге из плена.

При содействии командира отряда я был допущен к командованию учебным взводом во вновь созданном партизанском батальоне. В это же время проводилось тщательное расследование моего пленения органами госбезопасности. Через месяц меня направили на фронт и уже не допустили, а назначили командовать стрелковым взводом.

Василий Павлович Бабич в моей судьбе сыграл важную роль. Благодаря ему, я не был разжалован. Напротив, вскоре

меня повысили в звании. Будучи старшим лейтенантом, я командовал ротой и был награждён орденом «Александра Невского».

После окончания войны нашу роту направили в Туровский район для прессовки сена и доставки его в дивизию. Во время этой командировки я случайно встретил Василия Павловича. Он в то время работал заведующим Туровского районного отдела народного образования.

Встреча была очень короткой. Он тогда подарил мне свою фотографию и написал на меня характеристику уже как бывший командир отряда.

Я надеялся с ним ещё встретиться и подробно услышать, как создавался отряд. Но нашу роту заменили другой, и я больше с ним не встречался, о чём очень сожалею. Сожалею, что не съездил в Великий Устюг, где учился в военном училище. Хотел съездить в Чернигов и пройти по местам боёв от форсирования Десны до города, и не съездил. Надо было побывать на месте форсирования Днепра и в деревне Колыбань – не побывал. Удалось видеть послевоенный Кёнигсберг, за который я был награждён медалью «За взятие Кёнигсберга». Это уже был наш советский город Калининград. Я ездил туда по путёвке на курорт «Отрадное», расположенный на берегу Балтийского моря.

Возвращение домой

После демобилизации из армии в июле 1946 г. встал вопрос о трудоустройстве. Родители жили в деревне. Оказалось, что паспорт получить непросто. Нужны были люди в колхозах. А я перед демобилизацией познакомился с капитаном, который жил в Горьком. Он раньше служил в нашем полку начальником обозно-вещевого снабжения (ОВС). У него обострилась рана, и ему ампутировали ногу. Из госпиталя он уехал домой, а его вещи остались в полку. Мне, как его земляку, предложили

десятидневный отпуск, чтобы отвезти его вещи. И ещё дали двух солдат, тоже горьковчан, и тоже оформили отпуск.

Вещей было два объёмистых чемодана. Доставили по адресу, солдаты были городские, и сразу же ушли по домам, а меня капитан оставил ночевать. Он в то время работал главным бухгалтером в какой-то конторе. Узнав, что у меня нет специальности, предложил после демобилизации приехать к нему. Он примет учеником счетовода, пропишут в общежитии и можно будет поступить заочно учиться на бухгалтера. Я обрадовался, что могу прижиться в этом большом городе на слиянии Оки и Волги. И вот в этом радостном настроении я шёл от станции пешком. Впервые за пять лет возвращался в свою деревню. По этой дороге ходил в школу в четвёртый класс. Всё знакомо до мелочей. Погода летняя, теплая. Вся деревня на виду. Присел на бугорке отдохнуть и незаметно уснул. А по деревне уже разнесся слух, что какой-то солдат идёт.

Проснулся, а уже вокруг меня ребятишки столпились. Спросил про родителей и пошёл вместе с ними в деревню. Кто-то маме сказал, что я иду.

Встреча была и радостной, и печальной из-за погибшего брата. Знакомые девушки говорили о своих погибших братьях, моих сверстниках. Было много слёз и непередаваемой радости. Всё казалось каким-то маленьким. Потолок был ниже, от стола до кухни – три шага, до колодца – рукой подать, да и сама деревня небольшая по сравнению с детскими воспоминаниями.

В этот день в Люнде в трёх километрах от нашей деревни был какой-то престольный праздник, и меня девчата уговорили вместе с ними пойти туда в гости.

Молодёжь вместе с гармонистом ходила из конца в конец деревни с остановками для плясок и танцев. Было жарко. Я в хромовых сапогах, шерстяных галифе (гражданской одежды не было) и кителе, с орденом «Александра Невского», двумя медалями, тремя звездочками на «золотых» погонах, в офицерских ремнях и пистолетом на боку привлёк общее внимание.

Ребята, были уже и демобилизованные, приглашали в гости выпить за знакомство.

Через некоторое время прибежала очень красивая девушка, повисла у меня на шее и с плачем начала звать скорее к ним в гости. Оказалось – это моя двоюродная сестра, которую я не узнал. И мы с ней пошли к тете Сизе (Анфисе), маминой сестре. И снова – и слёзы, и бесконечные рассказы о близких людях с разными судьбами.

Дома я пробыл два дня. Отпуск заканчивался, и я должен был вернуться в полк вовремя. У нас было принято обедать и ужинать вместе всей семьёй, помолившись, есть из одного блюда. Это было в детстве. А в отпуске меня кормили одного. Позднее я узнал, что хлеб брали у кого-то из родных или просто у кого был в наличии.

Вскоре после отпуска демобилизовался. В Волковыске, где располагалась наша часть, мне предложили работать в милиции, сохранив звание, но я отказался.

И вот после двухдневного триумфа во время отпуска я оказался уже без звёздочек на погонах, без паспорта и без права выбора места жительства. Насчёт получения паспорта я обратился в военкомат, но мне тоже предложили работу всё в той же милиции. А в деревне всё настойчивее предлагали работать бригадиром в колхозе.

Учёба в техникуме

Мне удалось через райземотдел взять направление на курсы землемеров, которые находились в г. Арзамасе. А там на время учёбы нужен был паспорт для временной прописки. Таким образом я получил свой молоткастый, серпастый, прописался в Арзамасе и приступил к занятиям. Командированные на учёбу в основном были с четырьмя классами начальной школы.

Нам предстояло научиться саженью отмерять площади

под посевы разных культур и делить площади между звеньями и бригадами. Я проучился две недели и попросил принять у меня экзамены за весь шестимесячный курс обучения. После собеседования по всей программе курсов мне разрешили присутствовать на занятиях хотя бы один день в неделю, а в остальное время я мог работать. Меня временно взяли в бригаду плотников, где я рыл канаву под фундамент двухэтажного дома. В этом же 1946 году открылся лесной техникум в Арзамасе рядом с нашими курсами. Срок обучения – два года со средним образованием и три года на базе семилетки.

Я узнал, что директором техникума недавно демобилизованный командир автороты и некоторые преподаватели – только что демобилизованные офицеры, имеющие лесное образование. Я решился попросить, чтобы приняли меня на первый курс с трёхлетним обучением. Директор пригласил завуча Малькова Тимофея Устиновича, окончившего Казанский университет, десять лет проработавшего лесничим, а в остальное время – на преподавательской работе. В техникум он был направлен для организации учебной части. Пригласил и секретаря партийной организации, только что демобилизованного майора Власова Константина Николаевича, преподававшего математику. Беседовали со мной доброжелательно, но классы были уже укомплектованы и уже месяц проучились. Я сказал, что учусь на курсах землемеров и просил, чтобы мне разрешили просто поприусутствовать на уроках.

В конце беседы сказали, чтобы я пришел завтра, попробуют решить вопрос на педсовете.

В конечном итоге мне разрешили посещать занятия как условно принятому без права на стипендию и общежитие.

Я стал усиленно готовиться, и всё пройденное у учащихся техникума переписал в свои тетради по каждому предмету. По алгебре и геометрии помогали мне и учителя курсов, где я продолжал учебу.

Примерно через месяц некоторые приезжие молодые ребята по разным причинам не стали посещать техникум, и их после предупреждения отчислили. Меня оформили на первый курс с трёхлетним обучением и предоставили общежитие в этом же здании на первом этаже. В нашей шестой комнате было шесть человек: четыре фронтовика и два подростка, окончивших семь классов. Один из них – Олег Крутилин, очень способный ученик, помогал мне освоить пропущенный материал. После полученных мной положительных оценок в конце года мне назначили стипендию сто сорок рублей в месяц, и я стал полноправным учащимся этого вновь открывшегося техникума.

В техникуме не было никакой базы, даже учебников. Уроки записывали под диктовку преподавателей. Многому научились на учебной практике в Арзамасском лесничестве. Практикой руководил помощник лесничего с высшим образованием. Он отлично знал свою работу, любил её и исполнял её и в лесу, и на чертежах самым аккуратным образом. Нам всё, что мы проходили, показывал на практике в очень доступной форме. И то, что по записям нам казалось трудным и не всегда понятным, на практике оказывалось довольно простым. Он своим примером прививал любовь к лесу и уважительное отношение к лесной профессии.

После окончания третьего курса меня направили на производственную практику в Ульяновское управление лесного хозяйства в Базарносызганский лесхоз. Директором был Атаманов Виктор Степанович, бывший фронтовик (командовал автомобильным батальоном). Он имел лесное образование и опыт работы в лесном хозяйстве. Отличный оратор. В последствии его взяли в управление лесного хозяйства заместителем начальника управления.

На время практики назначил меня на должность мастера лесных культур и закрепил за мной работу в лесном питомнике и лесокультурную бригаду. Питомник находился рядом с конторой лесничества, и в свободное время бухгалтер учил, как

составлять месячный отчёт и как быстрее считать на счётах. Давал мне старые ведомости, и я считал по ним. Итоги там уже были, и я сравнивал свои подсчёты. Затем эту же работу проделывал на скорость. Стал увереннее пользоваться счётами. Производственную практику сдал на отлично и был сравнительно неплохо подготовлен к сдаче экзаменов.

Недалеко от техникума находился городской суд, и я в свободное время ходил на открытые судебные заседания. Мне нравилось сопоставлять речь прокурора, после которого должно быть самое суровое наказание, и выступление адвоката по этому же самому делу, из которого следовало уж если не награждать, то, по крайней мере, характеризовать самым положительным образом.

Вот этот подбор слов и интонация помогли мне в дальнейшем при беседе с подчиненными и в выступлениях на профсоюзных и партийных собраниях.

Во время практики по предложению лесничего мы прямо на делянке пилили брёвна продольной пилой на половые доски. Сабаны поставили посредине брёвен, чтобы было ближе накатывать их. На брёвнах шнуром, натёртым мелом, отбивали полосы через 50 мм и по ним пилили пятидесятку. Наверху был более опытный распиловщик, соблюдавший по отбитой линии пиление. Я находился внизу и с усилием тянул пилу на себя. Верховой снова поднимал пилу вверх, направлял по линии, я тянул вниз, и процедура повторялась, пока бревно не распадалось на половые доски.

Таким образом я во время практики приобрёл темно-синий диагональный костюм, сшитый по полувоенной форме – френч и брюки галифе с зелёным кантом. И ещё осталось немного денег, да плюс стипендия, да плюс подьёмные, и я приехал на место работы не совсем бедным. А вот в шинели ходил года четыре.

После сдачи отчётов по производственной практике стали готовиться к госэкзаменам. С нами учились сын главного

лесничего Горьковского управления лесного хозяйства и племянник начальника управления. Через них мы узнали тридцать три экзаменационных билета, в которых было по три разных вопроса по пройденным темам за три года. Началось активное писание шпаргалок на все билеты. Распределяли, кто на какие билеты готовит шпаргалки, и по мере готовности ответов на все тридцать три билета их пронумеровали согласно номерам на билетах, распространили на всех. И каждый имел увесистую пачку шпаргалок с первого по тридцать третий номер.

Само писание и переписывание шпаргалок явилось самым активным повторением пройденного материала. И те, кому попадались билеты, на которые они писали шпаргалки, естественно, сдавали на пятерки.

Попадался, например, четвёртый номер, отсчитывали четвёртую шпаргалку и осторожно переписывали ответы, которые не очень знали и т.д.

В комиссии были: начальник Горьковского управления лесного хозяйства, председателем – кто-то из горкома партии, главный лесничий управления и секретарь парткома техникума.

Времени для подготовки ответов было достаточно. Экзамены проходили благополучно, за исключением одного кандидата. Одной экзаменуемой достался билет, где надо было на доске чертить схему. Доска была высокая, мел наверху. Девушка потянулась за мелом, сверток шпаргалок выскользнул из-под трусов и шлепнулся на пол. Она, как истинная фронтовичка, быстро подняла сверток, водрузила на прежнее место и стала спокойно чертить схему и отвечать на вопросы билета. Члены комиссии стали внимательно разглядывать свои папки, не задали ни одного дополнительного вопроса, и она на тройке выкатилась из зала.

Экзамен сдали все. Стране срочно нужны были хоть какие-нибудь специалисты. Большинство молодых выпускников в дальнейшем заочно закончили институты и работали на руководящих должностях в лесном хозяйстве. После окончания

техникума сфотографировались, и на групповом фото первого выпуска многие – и учителя, и выпускники были фронтовиками.

Позднее техникум перевели в Красные Баки в пяти километрах от станции Ветлужская всё той же Горьковской (ныне Нижегородской) области.

Калдинское лесничество

После окончания техникума нас распределили на работу в разные области. В большинстве случаев туда, где проходили производственную практику. Нас, пять человек, направили в Ульяновскую область. Меня областное управление лесного хозяйства направило в Барышский лесхоз на должность помощника лесничего Калдинского лесничества.

В лесхозе старший лесничий Измайлович Казимир Викторович оформил на меня документы и познакомил со специалистами лесхоза. Лесничий должен был приехать с отчётом, и я ночевал в лесхозе, ожидая его приезда.

За это время познакомился с инженером охраны леса Кузьмичёвым Иваном Александровичем, капитаном запаса, служившим в польской армии, когда там министром обороны был Рокоссовский. Он же был секретарём партийной организации лесхоза, рассказал о лесничестве и лесниках, которых знал всех по имени отчеству. Я записал их по каждому обходу, чтобы лучше запомнить при личном знакомстве. Долго запоминал лесника Микеева. Как будто он Абдул, и он же Кадыр да ещё Бурханович. Непривычно. Абдулкадыр Бурханович был добрым исполнительным лесником. Брат его – фронтовик, капитан запаса, недолго работал лесничим в этом же лесничестве.

На другой день приехали с отчетом лесничий Угаров Василий Степанович и бухгалтер лесничества Наместникова Мария Семеновна. Василий Степанович – фронтовик до войны

окончивший Пензенский лесной техникум. Инженеры лесного хозяйства и лесных культур тоже оканчивали этот же техникум. Пригласили меня присутствовать при сдаче месячного отчета и одновременно знакомиться со специалистами и работниками бухгалтерии.

После сдачи отчета на лошади приехали в лесничество. Василий Степанович познакомил с женой Евгенией Антоновой, учительницей по профессии, и предложили мне пожить у них, пока я привезу семью.

Утром познакомил с коллективом лесничества. Лесников всего семь человек. Представил каждого лесника, его обход и местожительства. Бухгалтера и конюха я узнал при сдаче отчёта. Затем съездили на елань в трёх километрах от конторы. Там проживали объездчик Кунышев, смолокуры Нуякшены Фаддей и Кирил Федоровичи, рабочий на быках Ананьев Александр Николаевич. Там же находился питомник и смолокурная яма, где из старых сосновых пней выгоняли смолу и получали древесный уголь.

После осмотра питомника поехали в Старотимовское в пяти километрах от елани. Познакомились с директором МТС (машинотракторной станции) Висилькиным, председателем колхоза Абдрезяковым и председателем поссовета Тумаровым Фатехом Ибрагимовичем, с которым у нас потом сложились самые дружеские отношения. Фронтовик из очень порядочной, гостеприимной семьи. В какой-то праздник пригласили меня в гости. Собрали небольшое застолье. Вдруг он пожаловался на боли в животе. С нами был и хирург – главврач больницы. Увезли в больницу, сделали операцию – неудачно. Вызвали хирурга из районной больницы, но он тоже был немного после праздника, и Фатех Ибрагимович, уцелевший на войне, скончался от ошибки хирурга при операции аппендицита, не дожив и сорока лет.

Первая моя работа в лесничестве – инвентаризация готовой лесопродукции. Я вместе с лесниками самым добросо-

вестным образом замерял диаметры подтоварника и жердей и определял кубатуру по таблицам. В последствии я жерди уже не замерял, а просто считал их. В кубометре в среднем тридцать три жерди. Вторая – была закладка желудей на зимнее хранение.

Около конторы вырыли траншею и заложили жёлуди. Работу выполняли лесники под руководством объездчика. При составлении акта на закладку семенного материала включили и меня как специалиста. Я при закладке не присутствовал и уточнил – обжигали или нет яму перед закладкой желудей. Объездчик сказал, что яма песочная, сухая и её не обжигали. Я приказал жёлуди извлечь, яму обжечь сухой соломой. После этого заложили ряд желудей, засыпали сухим песком, на песок снова заложили жёлуди, потом снова песок и т.д. Закладку выполнили как положено и тогда составили акт, но лесникам это не понравилось.

После этого я уехал за семьёй. Мы с женой и сыном поселились в многоквартирном кордоне вместе с семьёй лесника, тоже из трёх человек. Купили дойную корову за 800 рублей, платили в рассрочку. Мой оклад был 500 рублей. В лесхозе оказалась горящая путевка в Железноводск с просрочкой в четыре дня. Она была выдана Кузьмичёву, но он не смог поехать, и путёвку предложили мне. Выделили денег на дорогу, как материальную помощь. В больнице выдали больничный лист на эти четыре дня, и я уехал на Кавказ. После лечения желудок не болел месяцев восемь. В эту же поездку я посетил Лермонтовские места – место дуэли и его квартиру.

За моё отсутствие лесничий организовал подвозку сена для коровы. Когда я приехал, его вскоре перевели на работу в районный центр, а меня утвердили на должности лесничего Калдинского лесничества с окладом семьсот рублей в месяц. С долгами за корову вскоре рассчитались. Жить перешли в квартиру лесничего через стенку с конторой. Всё сложилось лучше, чем я ожидал. Осталось научиться работать. Все спе-

циалисты лесхоза имели лесное образование и опыт работы в лесном хозяйстве. Мне оказывали всяческую помощь. Большую поддержку мне оказывал Казимир Викторович, окончивший Казанский университет и отлично знающий работу в лесничествах. Главный бухгалтер Мязин Николай Андреевич, долго работавший в лесхозе, подсказывал, как не допустить ошибок в учёте готовой лесопроодукции по подотчётным лицам и при кассовых операциях, так как лесничий был и кассиром.

В зимнее время много свободного времени, и я по старым отчётам старался понять, как начислять зарплату по разным расценкам и как вести учёт готовой лесопродукции по обходам. Как составлять проекты лесных культур и проводить инструктаж по технике безопасности. Читал книгу распоряжений, написанную разными лесничими в разное время, и лучшее принимал к сведению.

Всё это мне нравилось, и я занимался с большим желанием. Этому способствовала тишина и отсутствие знакомых. Посетителей мало. Санную дорогу из села передувало, и мы ставили сосновые вешки вдоль дороги. Нет радио. Свет от керосиновой лампы. Тепло от хорошо натопленной печи. Шум только от соснового леса в ветреную погоду. Вокруг никакого производства, только колхоз и ветряная мельница в Калде.

Ближе к весне ко мне приехал Тихонов Валентин Васильевич, мой однокурсник по техникуму. У него не сложились отношения с лесничим в Кузоватовском лесхозе, и по нашей просьбе его переводом назначили помощником лесничего к нам. Я был рад, что есть с кем решать разные производственные вопросы. Тем более, что он был более подготовлен. До техникума имел среднее образование, на фронте воевал в артиллерии. После ранения в Венгрии ему ампутировали правую руку по плечо. Демобилизовался по инвалидности и год проучился в лесотехническом техникуме. А когда в Арзамасе открылся лесохозяйственный техникум в трёх километрах от

его деревни Кириловки, он перешёл снова на первый курс и учился вместе с нами все три года. Приехал он вместе с женой, тещей и маленьким сыном. Женщины простые и работающие. Разместились на квартире бывшего помощника лесничего, который к этому времени переехал в другой лесхоз.

Наступило время весенних лесокультурных работ. К нам прислали представителя лесхоза – инженера по лесным культурам Шитову Анну Васильевну. Она же и помогла нам расценить акты приёмки выполненных работ и составить месячный отчёт. Всходы сосны на питомнике были дружные и здоровые, приживаемость посаженных сосёнок высокой. Это нас радовало и вселяло уверенность в умении работать.

В послевоенное время жилось трудно. Нам из ОРСа (отдел рабочего снабжения) выделяли муку. Но мы должны были из неё выпекать хлеб и выдавать ежедневно по восемьсот грамм на рабочего. На Бутырском торфоучастке была хлебопекарня и для нас, с разрешения начальника, выпекали хлеб. Выдавали норму хлеба на питомнике во время обеденного перерыва. После чего рабочие шли домой пешком пять-шесть километров.

Люди в Калде трудолюбивые и предприимчивые. Уходили на заработки в разные места на так называемый чамбул. Им на ремонт и строительство домов выписывали недорогой лес с корня по справкам сельских советов в пределах выделенного на совет фонда.

Пилили двуручными пилами, вывозили на коровах. Иногда прихватывали и самовольно срубленный лес.

Составили акт о лесонарушении на Камаева. Яхью здоровый рыжий татарин средних лет. А через несколько дней снова встречаю его с самовольно срубленным лесом. Спрашиваю: зачем снова нарушаешь? Он обстоятельно с хитринкой объясняет: товарищ бояр (они лесничего звали урман-бояр – лесной барин, а помощника лесничего – полбояр), надо штраф платить, а то корову отберут. А лес и до тебя зелёным был, и после тебя такой же зелёный будет. А брёвна эти пилим продольной

пилой на доски, а доски везём на той же корове в безлесные деревни и меняем на хлеб. В большинстве случаев вместе с депутатами сельских советов составляли акт о несостоятельности и от штрафа освобождали.

Лето прошло удачно. Лесокультуры сохранились, выход посадочного материала с лесопитомника выше планового, лесных пожаров не было.

Я, посоветовавшись с Валентином Васильевичем и получив разрешение лесхоза, поехал поступать в Приволжский лесотехнический институт в город Йошкар-Олу на заочное отделение лесохозяйственного факультета. На экзамене по литературе был вопрос о творчестве Маяковского. Я эту тему знал. Многие стихи и отрывки из поэм знал наизусть. Знал отзыв Сталина о Маяковском, как лучшем поэте современной эпохи. И знал, что он сын лесничего из Грузии. Экзамен по литературе сдал на отлично. Остальные экзамены вытянули из меня на тройки – особенно сложными были вопросы по химии по которым я абсолютно ничего не знал. На дополнительные вопросы о сухой перегонке древесины что-то ответил. О смолокурении, где получали смолу и уголь из старых сосновых пней и дёгтекурении.

Видимо в институт надо было набрать определённое количество студентов. Не имея общего среднего образования я не смог выполнить высланные мне задания по математике, физике и химии. На этом моя учеба в высшем учебном заведении закончилась. В дальнейшем я за счёт лесхоза закончил высшие лесные курсы лесничих в Москве.

В Москве же в разное время побывал в ресторанах «Арагви», «Поплавок», «Седьмое небо» на Останкинской башне.

За время моего отсутствия, пока я находился в Йошкар-Оле, в лесничестве всё было нормально. К Валентину Васильевичу лесная охрана да и местные руководители относились с уважением, и как к пострадавшему на войне, и просто как к доброму неунывающему человеку.

Наши жёны тоже подружились, а бабушка Маша относилась к нашему Коле как к своему Славику. Через много лет Валентин Васильевич со своей женой Аней приезжали на свадьбу к Николаю уже студенту института.

К моему сожалению Валентина Васильевича назначили лесничим Сталинского (позднее Первомайского) лесничества Майнского лесхоза. Квартира у него была из нескольких комнат в лесничестве старой постройки тоже на опушке леса недалеко от села Поповки.

Через год работать стал увереннее и почувствовал себя соответствующим занимаемой должности. Через три года купил радиоприёмник «Родина» на батарейках. Включал только тогда, когда передавали последние известия и когда приходили желанные гости. На кордоне прожили пять лет. Для посевов нам выделяли сорок соток земли. Сеяли просо, гречу, садили картофель. В огороде выращивали огурцы, капусту, свёклу, морковь, тыкву, брюкву, репу, редиску, укроп, бобы – всего в достаточном количестве. Охота рядом. Тетеревиный ток в двух километрах от кордона. Утки на торфяных канавах и на болотцах. Всё доступно.

Ягоды – земляника рядом с кордоном, на опушке леса. Черника – в двух-трёх километрах, клюква на озере Крячек. Грибы по всему лесу. Их и сушили, и солили в достаточном количестве. Во дворе корова, овцы, куры, гуси, индюшки. Свиной не держали, учитывая татарское население.

На кордоне родились два сына и дочь. Пока жили на кордоне старшего сына иногда брал с собой. Ездили на елань, средний кордон, Становое. На Бутырском торфоучастке смотрели кукольный театр. Показывали «Аленький цветочек». Впечатления запоминающиеся.

Старшему надо в школу, а в Калде начальной школы на русском языке не было. С разрешения Ульяновского управления лесного хозяйства перевели лесничество в рабочий посёлок Старотимошкино. А первокласснику пришлось жить на

квартире два месяца у Ахмета Хасяновича. Квартиру мне выделили в МТС. Просторный финский домик, электрический свет, радио. Посёлок сравнительно большой. В нём суконная фабрика, МТС (машино-тракторная станция) колхоз, больница, общеобразовательная средняя школа, вечерняя школа, библиотека, детский садик, мельница, пекарня, контора сельпо и несколько магазинов разного назначения. Две кузницы – в МТС и колхозе, почта, аптека, молокозавод, действующая мечеть.

Расширился круг общения детей и наш. Рядом жили – молодой директор МТС Волков Константин Анатольевич, агроном, фронтовик Ермильев Александр Иванович, зоотехник Торчилкин Леонид Фёдорович с женой, медсестрой Таней. Директор средней школы Бикташев, завуч школы Споженцев Вениамин Тимофеевич. Левин Павел Филиппович, майор запаса, фронтовик, участник парада Победы в Москве. Отличный охотник. Часто общались, дружили и наши дети. Ермильев Володя, Споженцев Виктор и наш Коля сохранили дружбу и во время учёбы в школе, институтах и будучи на работе в разных областях. Часто встречались и встречаются до сих пор, уже работающие пенсионеры.

С переездом в рабочий посёлок работать стало легче. Рядом МТС, появилась возможность иногда ездить с отчётами на машине. Почта – удобнее перечислять деньги за лес. Всё знакомо – и работа, и лес, и, главное, люди в четырёх сельских советах.

Поездки по лесу стали уже не напряжённо-рабочие, а скорее рабочие прогулочные. Любил заезжать на питомник, когда рабочих уже не было. С радостью смотрел на однолетние и двухлетние посевные ряды здоровых сосёнок и отдыхал, глядя на них.

В школьном отделении питомника выращивались саженцы яблони и груши. Здесь же около речушки Сизляй была смолокурная яма, выложенная кирпичом. В ней из старых сосновых пней выгоняли смолу и получали древесный уголь.

Пни корчевали вручную. Из коры берёзовых пней получали дёготь. Работали там удивительно трудолюбивые и довольные своей работой смолокуры два брата мордвина Нуякшины Фаддей и Кирилл Фёдоровичи. Дядя Фаддей и дядя Кирилл, как их все называли, жили в маленькой двухквартирной избушке. У обоих было по двое детей. Жёны физически здоровые, трудолюбивые и умелые домохозяйки. У них всегда было в изобилии всяких солений, варений, запасов ягоды – клюквы, брусники, костяники, сушёной черники и малины. Грибы сушёные и солёные, особенно вкусные грузди и рыжики.

Земля чернозёмная, и урожаи всех культур были обильными. Держали коров, телят, овец, кур. Материально, в смысле питания, они жили неплохо.

На этом же кордоне жили объездчик Фёдор Иванович Ульянов с семьёй и рабочий на основной тяге лесничества – двух быках «Мишке красном» и «Мишке пёстром». На них пахали землю под питомник и готовили почву под лесокультуры. Недалеко от елани был кордон, называли его средним, так как он находился посредине лесного массива лесничества. Там жили две семьи бывших лесников Кирюхина и Гусарова, погибших на фронте. Жёны их работали в лесничестве и жили в основном за счёт подсобного хозяйства. Около кордона посёлок Становое, где был магазин и клуб торфопредприятия. И тут же рядом торфоучасток Тукшук.

Недалеко от торфоучастка озеро «Крячек», в котором водилось много рыбы, в основном карася. Вокруг озера клюквенное болото, клюкву собирали осенью и ранней весной. За озером хутор эстонский из переселенцев из Эстонии. Это последний пункт на территории лесничества и главная база для отдыха. Там был небольшой магазинчик от химлесхоза. В эстонском посёлке жили мастер химлесхоза и лесники, и некоторые жители посёлка так же работали в лесничестве.

Всегда свежая рыба для ухи и свободное общение после работы с начальником торфоучастка, капитаном запаса,

начальником ОРСа, моим ровесником. Иногда присутствовал председатель Ляховского колхоза Савиков Василий Андреевич, чуваш. Он потерял на фронте руку.

В лощине располагалась колхозная пасека. Здесь был приятный отдых на природе почти со всеми удобствами. Почти, да не совсем. Не хватало какой-то изюминки. Лесник Трумер Август Михайлович, поставляющий нам свежую рыбу, большой шутник, решил исправить этот недостаток. Однажды он нам предложил поехать в Эстонцы, где девушки нам сварят особенную уху. Мы захватили с собой «Столичную», кагор, консервы и шоколадки. Приехали на наше обычное место между озером и посёлком. Разожгли костерок из ранее заготовленных дров. Пришёл лесник, говорит, что рыбы нет. Сегодня будем варить уху из петуха. Его сёстры принесли котелок, тушку петуха, приправу и стали варить. Мы распили «Столичную», закусили консервами и ведём разговоры, предвкушая встречу с девушками.

Бывший капитан, высокий, стройный брюнет с густыми бровями не выдержал и спрашивает, когда будут девушки? Август Михайлович самым невинным образом говорит: «Дык вот же, они петушка варят». Им было за пятьдесят, и не самые красивые, если не сказать больше. Но замужем не были, и значит девушки, вернее старые девы. Мы все вместе посмеялись над этой шуткой. «Девушкам» передали «кагор» и шоколадки и уехали не солоно хлебавши, оставив их доваривать петуха. У нас в разное время были разные «изюминки», были и с червоточинкой. Но эту долго вспоминали, как самую незабываемую.

В первый же год после переезда в Старотимошкино построили контору лесничества и в этом же доме квартиру для конюха. Построили просторный конный двор, конюшни и небольшой склад. Мне на постройку дома выделили бесплатно соснового леса и десять тысяч рублей ссуды, как молодому специалисту, работающему в сельской местности.

Осенью мы переехали в свой дом. Старший ходит в школу, младшие в детсадик. Жена занимается домашним хозяй-

ством. Обустроиваем площадь после постройки тёплого двора, бани и погреба. Работы много, но радуется то, что самостоятельно содержим детей в сравнительно нормальных условиях, и главное имеем свой дом, о чём и не мечтали.

Рядом с домом был небольшой кустарный молокозавод. Сыворотку девать некуда. Татары свиней не держали, не было свинофермы и в колхозе. В один год мы вырастили трёх свиней на этой сыворотке, продали их и погасили ссуду в госбанке.

Старший радуется успехами в школе, с ребятами дружит. А вот за младшими нужен глаз да глаз. Играли и нашли где-то пионерский значок, к счастью, без булавки. Стали отбирать друг у друга, и Шурик спрятал его в рот. А потом рассмеявшись случайно его проглотил. Из нашей больницы направили к хирургу в район. Пока ездили, значок из желудка перебрался в кишечник. Решили не оперировать, а под наблюдением давать манную кашу небольшими порциями и одновременно поворачивать по ходу кишечника днем и ночью. И к нашей общей радости – моей и хирурга Бориса Алексеевича Прохорова значок стукнулся о дно ночного горшка. После этого ещё долго готовили диетическое питание.

В школу ходили через пойменные луга и попутно играли в какие-то чукмари. Витя Споженцев, Володя Ермильев и наш Коля вдруг разбогатели. У них появились красивые обёртки от конфет и у всех одинаковые. Первым, как завуч школы обратил внимание Споженцев Вениамин Тимофеевич, а мы с Ермильевым просто не заметили. Стали уточнять, у кого из троих появились деньги. У нас была каждая копейка на учёте. Я работал один. Они стойко, но по детски наивно и неправдоподобно объяснили, что стукнули чукмарём по кочке, припорошенной снегом, и увидели трёшницу. Вот на неё и покупали конфеты. Мы им объяснили, что говорить неправду нехорошо и что врут только разные лакеи. Тогда Витя Споженцев рассказал, что нашёл трёшницу за диваном, а так как дома её не хватило, то он и решил по-братски поделиться с друзьями.

А с деньгами получилось так. Вениамин Тимофеевич иногда позволял себе немного расслабиться и от зарплаты оставлял маленькую заначку, спрятал под диван и забыл про неё. Все мальчишки в дальнейшем, на своей работе, убедились, что врут действительно лакейские приспособленцы да и то не бескорыстно.

Жизнь наладилась. Отношения с соседями самые доброжелательные. Первое знакомство нашей семьи с семьёй лесника Праздничкова Мубина Измайловича. С глубокой благодарностью вспоминаю учительскую семью Альмяшевых и всех рядом живущих соседей.

В летний жаркий день от детской шалости во дворе ветлечебницы загорелась коробка из-под лекарства. Ветер подхватил пламя, и сразу загорелась ветлечебница и дом Левина Павла Филипповича. Ветер усилился, и за короткое время сгорело семь домов. Наш дом отстояли, поливая стены и крышу водой, да и ветер повернул в поле. Детей наших Альмяшева увела к себе домой, чтобы они не испугались пожара. Вещи из дома спустили в погреб. Скотины во дворе не было.

Всем погорельцам выделили лес бесплатно в ближайших кварталах. Директором лесхоза был Барковский Евгений Андреевич, фронтвик, горевший в танке, и Левин тоже танкист, участник парада Победы. Ему в порядке исключения разрешили вывозку леса до выписки лесорубочного билета. Вскоре разрешение на вывозку леса всем погорельцам было оформлено документально. Погорельцам оказали помощь администрации фабрики, и МТС в вывозке леса и распиловке брёвен на доски. В основном к концу года дома вновь были построены. У некоторых даже лучше прежних.

Жить в этом посёлке нам нравилось. Он всегда чисто убран. Население не бедное. В каждой семье кто-то работал на фабрике, а кто-то в колхозе. Колхозникам выделяли приусадебные участки плодородной земли. Люди трудолюбивые вели подсобное хозяйство, а женщины ещё вязали пуховые платки

и продавали. Было уважительное отношение, особенно к старикам.

И у меня было доверительное взаимопонимание с работниками МТС и колхоза, что помогало в работе. Работалось легко. Но судьба изменчива. После хрущевской амнистии вернулись в посёлок бывшие заключённые и вели себя довольно агрессивно.

В один августовский воскресный день под вечер подъехали к моему дому на машине два этих бывших и потребовали двадцать пять рублей на бутылку водки. Я отказал, они стали угрожать и настаивали на своем. А я в этот день ходил на охоту. Ружьё было заряжено мелкой дробью на уток. Вот я и разрядил его по их машине. Несколько дробинок попало в ногу. В конечном итоге меня судили.

Переезд в Измайлово

После суда, где мне присудили год принудительной работы с вычетом из зарплаты 20 процентов, меня назначили лесничим Измайловского лесничества того же Барышского лесхоза. Условия работы да и объём заданий мало изменились, а вот жилищная проблема как никогда осложнилась. Квартиру лесничего занимала семья бывшего лесничего, который уехал работать в Курганское управление лесного хозяйства, а семью пока не перевёз. В посёлке снять квартиру с четырьмя малолетними детьми не удалось, и пришлось разместиться в Конюховке через стенку с конторой. Было очень тесно, а у нас было двое школьников и двоих возили в детский садик. В таких неблагоприятных условиях пришлось жить несколько месяцев, а потом перешли в квартиру лесничего, опять в этом же здании через стенку с конторой, но с другой стороны. Мне разрешили перевезти пустующий кордон и построить квартиру на территории поселка.

Дом я построил в конце улицы Ленина, недалеко от усадьбы лесничества и Беликовского пруда. Разработали зем-

лю, и на приусадебном участке выращивали овощи и ягоды. С одной стороны жили соседи Апполоновы Степан Иванович с семьёй, работавший лесником в этом же лесничестве, и Агафья Степановна на кордоне содержала пасеку. Этот кордон так и назывался Апполоновым кордоном. У них и перед домом стояло несколько ульев. Позднее я познакомился с их сыном Григорием, моим ровесником, окончившим Ульяновское танковое училище, участником войны. В то время он работал в Рязани заместителем директора приборостроительного завода.

С другой стороны опушки леса. Перед домом канава, по которой из Беликовского пруда текла чистая вода в фабричный пруд. За канавой бондарка химлесхоза. Бондари Кузин Яков и Ильин Николай изготовлявшие бочки для живицы, знакомые нам ещё по Калдинскому лесничеству. Когда мы жили на кордоне, к нам приезжал во время сенокоса тесть Мусатов Тимофей Михайлович, тоже отличный бондарь, много лет работавший бондарем в артели инвалидов. Ездили и на Аральское озеро изготовлять бочки для засолки рыбы.

На помощь косить я приглашал рабочих химлесхоза, чтобы не звать своих рабочих. Вот тогда и познакомились мы с Яшей и Николаем – моими ровесниками. Познакомился с ними и тесть. Подружились мы с этими замечательными людьми. Когда тесть приезжал уже в Измайлово, ходил к ним в бондарку, приглашали в гости. Выпивали умеренно. Николай почти не закусывал, а Яшка любил и выпить, и закусить. Познакомился с ними и брат жены Иван Тимофеевич, тоже бондарь. Он сидеть без дела не мог. Находил работу или во дворе, или в огороде и что-то делал. Ежедневно посещал бондарей, пока у нас гостил. В последний приезд уже тяжело больной пытался что-то поделывать и привёз обещанные рыболовные крючки племянникам.

Трагична судьба Ильиных. Николай во время свадьбы у Кузиных умер. Жена его Евдокия осталась с дочерью и сыном Федей. Время шло, Федя вырос. В бондарке уже работал дру-

гой бондарь, а рядом был магазинчик от химлесхоза, где продавали и водку. Из магазина иногда заходили в бондарку выпить. Заходил туда и Федя. Частым посетителем там был Макаров. После одной обильной выпивки и драки между бондарем и посетителями оказался труп. Федя сильно пьяный ничего не помнил и оказался крайним. Был осуждён за убийство, которого, как говорит, он не совершал. Бондарь вскоре уволился и уехал.

Фёдор после отсидки женился на здоровой сравнительно красивой женщине тоже судимой. У них родился сын. Вырос, отслужил в армии. Побывал в горячих точках. Высокий, стройный, пропорционально сложенный, сухожильный, сильно натренированный и очень смелый парень. Из таких, наверное, Степан Разин создавал свою разбойную дружину. На работу не устроился. Родители пьянствовали. После одной совместной пьянки, где были отец, мать и сын, дом, построенный Николаем Ильиным, загорелся. Из дома выполз только сын, а Федя Ильин с женой пьяные сгорели заживо.

Через дом с нами жили Семеновы и Торгашевы. Семёнов Александр Евдокимович инвалид войны. Работал в лесничестве. Вручную изготавливал штукатурную дранку. У них было четыре сына. У старшего Валентина мы с женой были на свадьбе. К сожалению они с Галей разошлись, а Валентин за семейный скандал из-за тёщи был на какой-то срок осуждён. У них были сыновья Саша и Павлик. Александр выучился на священника, принял монашество и возглавлял Жадовский мужской монастырь.

Павлика провожали в армию торжественно. Всем призывникам в фабричном клубе вручали подарки, давали наказы на верную службу и пожелания благополучно вернуться домой. Родители благословляли и передавали зашитую в мешочки Измайловскую землю. Павлику вручал я, как депутат поссовета по улице Ленина. Он отслужил в армии, вернулся домой и за что-то попал в тюрьму. После освобождения стал выпивать. Нигде не работал. Украл у дедушки пенсию, но он его простил.

Выпивали вместе с отцом в доме деда, о чём-то поспорили, и он прямо за столом ударом ножа убил отца. Александр Евдокимович дожил до глубокой старости. Ему ампутировали ногу, через несколько лет и другую. За ним ухаживали сын Николай и сноха Женя. Прожил он девяносто один год.

У Торгашевых отец погиб на фронте, оставив двух дочерей и двух сыновей сиротами. Сын Геннадий отслужил в армии в одно время с Семёновым Валентином. После демобилизации вместе делали утреннюю зарядку, обтирались снегом, закаливались. И у него судьба тоже трагичная. Поехал с друзьями рыбачить на Волгу и при невыясненных обстоятельствах утонул.

В Измайлово жили знакомые мне Селиверстовы. Они в коллективизацию были раскулачены и сосланы на Чёрную речку в лес между Акшутатом и Старотимошкином. Там располагалась промысловая артель им. Осипенко. Они занимались заготовкой и распиловкой леса, изготовлением телег, саней из липового луба, мочили мочало. Иван Андреевич был там пилоточем – точил и разводил пилы лесорубам. Позднее они переехали в Измайлово.

Иван Андреевич со своим племянником Михаилом Фёдоровичем заготавливали корневую кору бересклета и сдавали её в Калдинское лесничество. Я им кроме оплаты выделял сенокосные угодья. Зимой в Барыш с отчётами ездили через Измайлово, и я у них несколько раз ночевал. Иван Андреевич бывал у нас, когда мы ещё жили на кордоне.

Михаил Фёдорович, старый холостяк, работал шофёром на легковой машине. Вёл очень скромный образ жизни. Мне неоднократно давал денег взаймы. У Ивана Андреевича старшая дочь Зоя закончила сельхозинститут и работала секретарём Жадовского райкома комсомола. Позднее переехала в Америку и там скончалась. Младшая дочь Галина Ивановна окончила текстильный институт, работала директором суконной фабрики. В настоящее время живёт в Ульяновске.

После переезда нашей семьи в Измайлово я с ними часто встречался, а Михаил Фёдорович ещё долго выручал меня займами, иногда долгосрочными. После продажи дома в Старотимошкино я с благодарностью погасил все займы.

В Измайлово меня заинтересовали две семьи – Живописцевых и Васиных. Василий Иванович Живописцев высокий, стройный, опрятный старик с красивой седой бородкой типа революционеров. Достаточно начитан и интересный собеседник. Побывал в лагерях, реабилитирован. Сохранил чувство достоинства и гордость за пережитое. Его сын Евгений Васильевич участник войны жизнерадостный, открытый человек. Преподавал в средней школе историю. Знал и любил литературу, особенно поэзию. Пользовался авторитетом в школе и посёлке.

В то время в клубе перед киносеансами выступали педагоги, врачи, инженерно-технические работники фабрики с небольшими беседами, каждый по своей специальности. Мне нравилось слушать беседы Евгения Васильевича по истории России связанные с войнами. Под его воздействием я тоже провёл беседу об охране природы, в том числе и леса. В основе беседы были слова М.М. Пришвина «охранять природу – значит охранять Родину». Василию Ивановичу моё выступление понравилось. К великому сожалению Евгений Васильевич из-за врачебной ошибки при лечении умер совсем молодым.

О Васиных. Борис Илларионович Васин работал на фабрике инженером. Отец его был священником, и когда-то он был вынужден отречься от отца. Его сыновья Глеб и Василий смогли получить высшее образование и работали. Глеб Борисович врачом, Евгений Борисович на суконной ткацкой фабрике. Все Васины опрятно одевались, были скромные и внимательные, но какие-то очень замкнутые и сосредоточенные. В дальнейшем Глеб Борисович уехал в Москву, а Евгений Борисович в Пензу. Их как бы тяготило отречение в их семье. С Глебом Борисовичем и его женой Татьяной Юрьевной врачом-тера-

певтом я встречался сравнительно часто. Они, видимо, любили свою профессию и очень внимательно относились к больным. Сестра Татьяны Юрьевны тоже врач – гинеколог, также работала в этой больнице и славилась на весь район. Марии Юрьевне за её труд присвоили звание заслуженного врача России.

Главным врачом больницы был Николай Павлович Власов, участник войны. Отличный хирург и способный руководитель. Самый авторитетный житель посёлка и уважаемый врач в районе. За трудовую и общественную деятельность награждён орденом Ленина – высшей наградой страны.

Пользовался достаточным авторитетом и директор средней школы Мельников Александр Тимофеевич. Завуч школы Бородин Алексей Васильевич заслуживает особого уважения. Будучи ограниченным в движении нашёл в себе силы получить высшее образование и успешно работать. Преподавал литературу. Обучал детей шахматной игре, заведовал учебной частью. Вместе с женой Валентиной Трофимовной, тоже преподавателем литературы, воспитали и помогли окончить институты дочери Ирине и сыну Евгению.

В этой школе учились все наши дети. Старший сын Николай окончил восемь классов и поступил в Ульяновский автомеханический техникум. Проучился три года, а во время каникул сдал экстерном за среднюю школу вместе со своим бывшим классом. С аттестатом о среднем образовании поступил в Ульяновский политехнический институт. Учёбу в техникуме прекратил. После окончания института работал в Ярославле на моторном заводе.

Встречи в Константиново

Дочь Татьяна закончила среднюю школу и работала в школьной библиотеке, заочно училась в Московском государственном университете имени Ломоносова. Затем поступила в Ульяновский педагогический институт и после его окончания

работала в детском саду методистом в Рязани. Во время её работы в Рязани мы с ней ездили на есенинские чтения в село Константиново. Музей Есенина располагался сначала в доме его родителей, затем его перенесли в двухэтажный дом помещицы Кашиной, близкой знакомой Есенина. Там для проведения торжеств построили просторный деревянный двухквартирный дом. В одной половине во время торжеств находилась семья Есениных, другая служила для приёма гостей. Дом построен за счёт приборостроительного завода. Строительством руководил зам. директора завода Апполонов Григорий Степанович, мой знакомый по Измайлово. Его пригласили на обед для поэтов, а вместе с ним и меня.

В семье Есениных с уважением относились к офицерам. Во время войны в Константиново стояла воинская часть, и её офицеры организовали заготовку дров для матери поэта. Заготовили на несколько зим впрок. На обеде присутствовала сестра Есенина Александра Александровна с мужем, заместителем министра, которому подчинялся завод теплоприбор, поэты: Сергей Сергеевич Наровчатов с супругой, Юрий Прокушев, библиограф поэта, Васильев и другие, фамилии которых стёрлись в моей памяти. Есенина не печатали, и поэты вспоминали, как добивались издания его стихов, хотя бы тех, которыми зачитывались на фронте. В издательствах отказывали. Тогда они обратились в Рязанский обком партии, чтобы к семидесятилетию Есенина напечатать в областной газете избранные его стихи. Секретарь обкома на свой риск дал согласие, а они договорились с редакторами других областных газет, чтобы те, в свою очередь, перепечатали эти стихи, ссылаясь на рязанскую областную газету. С тревогой ожидали выхода газет.

Лучшие стихи Есенина во всю развернутую страницу были напечатаны и перепечатаны во многих областных газетах. Всё обошлось. После этого стали хлопотать об издании пятитомника. И его издали в красивом голубом оформлении.

Я приобрёл этот пятитомник и храню его как память о незабываемой встрече.

Наровчатов был очень общительным и интересным собеседником. На фронте он был заместителем командира батальона по политчасти. За столом он шутил, что третьего октября рождаются талантливые люди. Он тоже родился третьего октября. Екатерину Александровну и сына Есенина от брака с Зинаидой Райх видел только на трибуне. Он в то время был спортивным обозревателем.

На трибуну выходили поэты из Москвы, Ленинграда и союзных республик. Читали свои стихи, посвященные творчеству Есенина. День был солнечный, и воздух по-осеннему чист. Было многолюдно, празднично и радостно. Поэты раздавали свои сборники стихов, на которых ставили дату третьего октября и расписывались.

Мне Александра Александровна подарила гипсовый бюст Есенина с дарственной надписью, а дочери книгу и тоже подписала. Подарил свою книгу об Есенине и Юрий Прокушев. Бюст и подаренные книги хранятся в нашем семейном архиве.

Мы с Григорием Степановичем и его сослуживцем Суловым сфотографировались у домика Есенина и присели около дома выпить. К нам подошли два константиновских старика, ровесники Есенина, и начали рассказывать, как они с Сергеем дружили и переплывали Оку. Выпив у нас по стакану водки, удалились.

Через пять лет мы снова побывали в Константиново на очередных Есенинских чтениях. Снова сфотографировались одетые в те же плащи и с непокрытыми головами, на том же самом месте. Так же выступали поэты из разных городов и республик. Продавали свои сборники стихов, но уже не было той ликующей радости и гордости, как в первый раз. С грустью вспоминали своё первое присутствие на празднике поэзии. В этот раз не было застолья с поэтами, не подходили и ровесники Есенина. Появился гипсовый бюст у дома Кашиной, где разме-

щался музей. Позднее как бы вырос из-под земли замечательный бронзовый памятник на берегу Оки, которую они с Кашиной в одну грозовую ветреную ночь при сверкании молний и раскатов грома радуясь жизни переплыли на лодке.

Штрихи к портретам

Что касается работы в лесничестве, я уже имел определённый опыт работы с людьми. Лесники проживали в разных сёлах ближе к охраняемым участкам леса – обходам. Я часто бывал в этих сёлах, встречался с председателями сельсоветов и колхозов, бригадирами полевых и тракторных бригад, знал многих депутатов сельских советов, то есть тех людей, которые оказывали содействие в охране леса.

Бывал в каждой семье лесника, знал его семейное положение и уклад жизни. Каждый понедельник все лесники приезжали на лошадях в лесничество на собрание и докладывали о проделанной работе за неделю. Говорили у кого какие трудности возникали от потравы лесных культур скотом, при охране леса от пожаров и самовольных порубок. Все выступления записывались в книгу протоколов собраний.

Ежемесячно проводились общие собрания, на которых присутствовали все бригадиры лесокультурных бригад и лесорубов, шофёр, тракторист, конюх. Высказывались – как улучшить качество выполняемых работ и устранить недостатки при механизированном уходе за лесокультурами и молодняками. Протоколы с выступлениями, связанными с ремонтами квартир и техники высылались в лесхоз для принятия мер. Ведение протоколов накладывало ответственность за выступления и способствовало укреплению дисциплины.

О дисциплине. Некоторые работники лесничества позволяли себе в рабочее время быть не совсем трезвыми. Один лесник с большим стажем работы по своей безграмот-

ности высказался, что он, не выпив сто грамм перед едой, не может завтракать и обедать. К нему за выписанными дровами или сенокосными угодьями без водки или самогонки не ходили. Пришлось его уволить. Стал он пасти коров в бывшем своём обходе и обходился без выпивки. Но надо отдать ему должное, стадо своё на лесокультуры не допускал и лесных пожаров по его вине не было, чего нельзя сказать о других пастухах.

Были и другие Ксенофонтычи-Данилычи, трезвые неплохие работники, но пьяницы отменные. По вине лесоруба Николая Даниловича Веденева погиб при валке дерева помощник вальщика, только что демобилизованный из армии Коновалов Сергей. И сам Данилыч по пьянке в сильный мороз замерз раздетым прислонившись к сосне в десяти метрах от дома где выпивали. Но это было в нерабочее время и в присутствии семьи. Бухгалтером в лесничестве работал Земсков Андрей Михайлович, капитан в отставке, работавший когда-то в школе учителем. После смерти жены жил один. Стал выпивать и привык тоже перед обедом стопочку пропустить. Обедать ходил в столовую поселка, а там ему кто-нибудь ещё стопочку подносил.

Он был интересный рассказчик разных историй и стопочки повторялись. Так как он был давно пенсионного возраста, его уволили в связи с уходом на пенсию. После него бухгалтером недолго работал ещё один офицер Родионов Павел уволенный из армии, не дослужив до военной пенсии. Писал разные жалобы в министерство обороны и другие инстанции о незаконном его увольнении, но добиться ничего не мог и уехал в Куйбышев к какому-то сослуживцу.

В лесничестве временно работал ещё один офицер Рыжков. Он по выслуге лет вышел на пенсию. К нам в лесничество поступили «Секоры» для ухода за молодняками. Я предложил ему взять инструкцию и секор домой и попробовать разобраться. Утром пришёл в рабочей форме, попросил указать участок и объяснить, что срезать. Ему объяснили, и он за лето выпол-

нил весь план по уходу за молодняками механизированным способом. С нашей стороны потребовалось только указывать участки под освещение и принимать выполненную работу. Всё по военному четко.

Познакомился ещё с одним офицером, полковником Бушаевым. Он после армии работал в одной из московских школ учителем по труду. На лето приезжал в Измайлово к родственникам. Интеллигентный, по офицерски стройный, по учительски внимателен. Говорит, что учить ребят резьбе по дереву ему доставляет удовольствие и радость. Я попросил попробовать научить внука простейшим приёмам резьбы. Первый день пришли с внуком вместе. У него в крохотной мастерской во дворе был набор инструментов и разных дощечек. Встретил нас приветливо и тут же стал объяснять, как обращаться с инструментами и соблюдать правила техники безопасности. Внук ходил к нему охотно, хотя это было не близко, на противоположном конце посёлка. За лето он научился изготавливать разные поделки на кухню и даже шка-тулки.

В Измайлово проживали офицеры запаса. Родионов Николай Семёнович, с которым я был знаком ещё в Калдинском лесничестве. Он ночевал у нас на кордоне. В Измайловском лесничестве работали его жена и два сына. Анатолий Николаевич работал шофёром и лесником. С ним сохранились дружеские отношения до сего времени.

В больнице работал Петр Гаврилович Аксёнов, офицер медицинской службы. С ним знаком, как с врачом. Майор Ионов Анатолий Михайлович, военрук и учитель истории в школе. Сохранил военную привычку закаляться. До поздней осени купался в пруду, зимой обтирался снегом, занимался на разных снарядах в спортзале и на турнике на улице. Были с ним самые дружеские отношения до конца его жизни.

Капитан Верин Виктор Игнатьевич работал председателем поссовета. Относился ко мне доброжелательно и помогал

в решении разных вопросов. И сейчас мы с ним встречаемся как два капитана.

В лесничестве провели лесоустройство. Лесоустроительные материалы свежие, по ним легко работать. Лесничество укомплектовано лесной охраной. Во всех деревнях были организованы и обучены тушению лесных пожаров добровольные пожарные дружины. В каждом сельском совете внештатный лесной инспектор, утверждённый решением райисполкома. Людей я подбирал вместе с председателями советов, не осведомителей, таких мелочных доносчиков, и так хватало, а таких, которые своими советами и поведением способствовали сохранению леса от хищений и лесных пожаров. Это были и пастухи, и бригадиры тракторных бригад, и охотники.

А главное в лесхоз вместо пьяницы директора прибыл участник войны Барковский Евгений Андреевич, имеющий высшее образование и интеллигентное воспитание в семье. Офицер-танкист, горевший в танке. Стойкий перед начальством, справедливый и внимательный к подчинённым. Легко было работать под его руководством.

Появилась возможность больше внимания уделять семье. Дети подрастают и хотя школьники радуют своими успехами, заботы хватало. Я обязательно присутствовал на всех родительских собраниях и узнавал много полезного. Дважды к нам приходил директор школы Александр Тимофеевич. Один раз из-за Шурика. Они с ребятами немного погоняли его сына Серёжу. А второй из-за Павлика. Пришёл взволнованный, спрашивает: «Где Павел?». Мы сказали, что пришёл из школы и ушёл гулять.

Дело в том, что Павел во время урока выпрыгнул из окна второго этажа, и мы беспокоимся, не ушибся ли он. Оказалось, его за какую-то провинность послали к директору, а он не ходил. Сидел за партой рядом с окном, и когда директор зашёл по какому-то поводу в класс, Павлик подумал, что это из-за него, и чтобы не объясняться при учениках, удалился из класса

через окно. Перед окнами росли деревья, и он ухватившись за сук, плавно спустился на землю.

Прыгала из окна и Таня. На чердаке была маленькая комната, где дочь читала книги. В тот день она читала «Четвёртую высоту» и под впечатлением этой книги совершила прыжок из окна на грядки. В этот раз обошлось без травмы, а вот при падении, когда на неё наехал велосипедист, она сломала ключицу. Повреждали руки и сыновья при прыжках в высоту. Шурик и Павлик дружили с Серёжкой Титовым (Титов это по дедушке, а фактически его фамилия Коновалов). Была у них маленькая землянка в лесу, где они однажды накурились, утащив у дедушки Титова махорку. Пришлось применить нетрадиционный метод воспитания знаменитым китайским ремнём. О чем я сейчас сожалею и испытываю чувство вины за всё, что неправильно делал.

При школе было организовано школьное лесничество. Летом трудовым лагерем выехали для ухода за лесными культурами на колхозной земле. Разместились в клубе деревни Голицыно. От лесничества с ними был техник-лесовод Лёвин Валерий Павлович. От школы военрук Ионов Анатолий Михайлович и повариха. Продуктами снабжал ОРС Барышского леспромхоза. Работали четыре часа. Руководил Лёвин. После работы устраивали соревнования по прыжкам в длину и высоту, метанию гранат и стрельбе из пневматического оружия. Руководил соревнованиями Анатолий Михайлович. Шурик и Павлик находились в этом лагере и во всём принимали участие.

За тот год школьное лесничество заняло призовое место в Ульяновской области. Лесничий школьного лесничества, ученик восьмого класса Зотов Анатолий ездил на съезд школьных лесничих в Москву. А меня наградили почётными грамотами министерства лесного хозяйства России и Ульяновский областной отдел народного образования за создание школьного лесничества. Эти почётные грамоты хранятся вместе с документами о правительственных и ведомственных наградах в се-

мейном архиве. А Толя Зотов окончил медицинский институт, работал хирургом и умер в Куйбышеве совсем молодым.

Во время работы в Измайловском лесничестве были и успехи, были и неудачи. Приезжали из областного телевидения, снимали нашу работу по охране леса от пожаров, по рубкам ухода за молодняками, уходом за лесокультурами. Показывали наш опыт по областному телевидению. После комплексной проверки на базе лесничества проводились областные учения по охране леса от пожаров. На учениях присутствовал начальник Ульяновского управления лесного хозяйства Александр Трофимович Гринкевич.

После разборки результатов учения он дал указание лесхозу подготовить документы на присвоение мне звания «Заслуженный лесовод России». Но директором лесхоза был уже не Барковский, а человек не имеющий лесного образования, и материалы отослали с опозданием и оформленные неумело.

Детство

В деревне дома родственников располагались рядом. Наш дом стоял напротив дома деда Степана Петровича, где проживал с ним младший сын – дядя Андрей с семьёй. Около дома деда проживала его сестра Анна Петровна с семьёй.

Между нашими домами был вырыт колодец, где брали воду и другие соседи. В просторных сенях у деда стояли жернова, на которых по очереди мололи рожь, и ступа с пестом, в которой толкли просо на пшено.

Мы, ребяташки были или родственниками, или ближними соседями, живущими рядом из поколения в поколение.

Зимой выходили на улицу гулять. Того, кто не выходил, а хотели, чтобы вышел, вызывали таким способом: палками прокатывали сверху вниз по брёвнам стены напротив стола, где обычно находился вызываемый. Получался своеобразный тревожный перестук. Нас взрослые за эту шалость не ругали.

У меня не было валенок, а обуваться в лапти не хотелось, и я часто вечерами читал книжки. Любил читать стихи Некрасова. Отец иногда говорил мне: «Почитай-ка мне Орину – мать солдатскую». Видимо вспоминал службу в царской армии.

Как-то вечером я читал Гоголя. До этого прочитал «Вечера на хуторе близ Диканьки» и стал читать «Вия». Мама сидела за прялкой, а я около неё на лавке, свесив ноги под стол. Все уже спали. Тускло светила лучина, и язычок пламени покачивался. Я уже читал о том, как Хома Брут в церкви начертил вокруг себя круг с молитвой и стал читать об усопшей панночке.

Читаю: открылась крышка гроба... Я подобрал ноги из-под стола на лавку и подвинулся к маме.

... Панночка ожила, гроб тронулся и полетел... В это время девчонки палками закрипели по стене, вызывая меня на улицу. Я от страха закричал и прижался к маме. Это был первый мой панический страх.

Второй, ещё более страшный случай произошёл со мною, когда я ходил в школу в шестой класс. До школы было шесть километров, и мы выходили из дома ещё затемно. Из нашего конца деревни я был один. Посередине деревни жил Федюха Морозов. Я заходил за ним, и мы шли уже вдвоём. К нам присоединялись другие школьники.

Люди в нашей деревне, – а это в лесах между Керженцем и Ветлугой, были суеверными и по умершим справляли ритуалы, которых я в других местах не встречал. После захоронения над входной дверью чертили углём или мелом крест (похожий на крест на «Скорой помощи»). На угол снаружи, против иконостаса, вешали оторванный лоскуток от новой домотканой холстины и прикрепляли его щепочкой в щель углового бревна. Этот квадратный лоскут висел сорок суток. По поверью душа умершего сорок дней прилетала домой, но так как крест её не пускал, то она утиралась этим полотенцем.

Той осенью в нашей деревне умерла женщина, оставив грудного ребёнка. Говорили, что её душа огненным снопом

влетала в трубу ночью и вылетала на рассвете. Это будто бы мать появлялась кормить ребенка.

Мне надо было проходить около этого дома. В одно утро я шёл, и, как обычно, боковым зрением поглядывал на этот дом. И увидел, как из-за стены медленно движется белый шар. Я с криком бросился бежать. Вбежал к Федюхе в дом, забежал к его матери на кухню и не мог вымолвить ни слова. Она с молитвой умыла меня святой водой, которая находилась в каждом доме от крещенского праздника, и стала успокаивать. Посадила завтракать вместе с Федей, чтобы я немного отвлёкся. Оказывается, хозяин дома нёс в коробе мякину для кур. Короб, сплетённый из белой сосновой щепы, в темноте выделялся, а человека в чёрном не видно. Вот мне со страху и показалось, что белый шар движется сам по себе.

Уже после войны, когда я приехал домой и ночью проходил мимо этого, уже не жилого, с заколоченными окнами, дома ощущал какое-то неприятное чувство.

Мой дед Степан Петрович сделал себе гроб задолго до смерти. Срубил дуб, не спилил, а именно срубил. Из него теслом вытесал гроб и крышку, закрепив ее шкантами. Ни единого гвоздя в этом гробу не было. Поставил его в угол клетки (амбара), где размещались сусеки под запасы зерна.

Перед яблочным спасом из черемисских (марийских) деревень привозил воз яблок разных сортов и ссыпал в этот же амбар. До праздника яблочного спаса есть яблоки было грех. И чтобы мы, его внуки, не согрешили, нам говорили, указывая на гроб, что это «тот свет», он всё видит. И мы со страхом поглядывали на «тот свет» и не брали яблок.

Была ли эта дедовская прихоть постройки гроба без гвоздей связана со старообрядчеством или что иное, я не узнал. Остальным всем делали гробы из досок и сбивали гвоздями. У дедушки был посеян горох, а впереди вдоль речки лён. Как-то раз мы, его внуки, чтобы нас не видели, от речки проползли к гороху по льну, нарвали стручков за пазуху и обратно вновь поползли уже дру-

гим путем. Таким образом мы помяли лён дважды. Уже дома я из окна увидел (наши дома были напротив через дорогу), что дед ускоренным шагом идёт с поперечником в руках. Спрятался под кровать, но это меня не спасло. Дед, не говоря ни слова вытащил меня и жестоко отхлестал. Отец и мама были дома, но за меня не заступились. Такая же участь постигла и других внуков и племянника.

Нам объяснили, что дед побил нас не столько за горох, а за помятый лён. У нас тоже был участок засеянный льном, и когда нам было лет по семь-восемь мама брала нас с собой тереть лён. Он выдёргивался очень легко, и мы старались складывать ровненько. Мама нас за это хвалила, и сама выравнивая, вязала небольшие снопики. Лён молотили не цепами, а кичигами.

Из семян на маслобойке получалось масло и жмых (дуранда) похожий на халву.

На маслобойке две лошади на противоположных концах ходили по кругу и специальным устройством выжимали масло из семян. Мы, ребяташки со всей деревни ходили макать хлеб в масло, когда оно стекало по желобу в ёмкость. Маслобойка принадлежала одному жителю деревни, и за определенную плату ею пользовались все.

Обмолоченные стебли льна расстилали тонким слоем на пойме речки, и они мокли под дождём и туманной сыростью. Затем их сушили в банях и на мялках отделяли кострику от волокна. После чего волокно трепали, чесали и получали чистое волокно куделью. Пряли на ручных прялках, где веретено вращали пальцами, скручивая нитку. Позднее появились прялки с ножным приводом. Из пряжи на ткацких станках (кроснах) ткали холсты разного назначения. Холстину выстилали на снег, где она под мартовским солнцем становилась белее и мягче. Из холстины шили рубахи и штаны. Рубашки вышивали по вороту и рукаву. Окраска холста тоже проводилась вручную, и всё это делали наши матери и старшие сёстры.

Я любил смотреть на цветущий лён. Это сплошной синий ковер.

Землю для посевов делили каждый год. Более плодородную и землю похуже делили отдельно на всех. Получались полосы в разных местах с другими соседями. Засевали каждый по своему разными культурами. Во время цветения поле напоминало огромное разноцветное (лоскутное) одеяло.

Весной, когда появлялись проталинки, мы босиком сбегались туда и играли в козны (бабки), чижик, лапту и другие игры. Свою эту природную обувь не меняли до поздней осени. Ноги у нас были в цыпках всё лето.

В пойме реки Люнды, впадающей в Ветлугу, рос дикий лук. Мы бегали туда километра за три и ели эту очень сочную зелёную траву со вкусом лука.

Когда появлялись листья у липы, мы ели эти мягкие пресные листья. А уж когда начинала поспевать земляника, мы по нескольку ягод завёртывали в липовый листок, и это называлось у нас пироги с земляникой.

Лес у нас рядом с деревней. В лесу много ягоды земляники, черники, на горельниках сплошные заросли малины. Собирая малину, иногда встречались с медведями, тоже любителями этих ягод. На сухих болотах было много голубики, и там же заросли багульника. Нам говорили, чтобы в жаркий день не заходили далеко от леса. В середине болота от запаха багульника можно уснуть.

Особенно любили собирать бруснику. За ней ездили на лошадях в сосновый бор и собирали её в набирки, кузова и даже иногда брали кадушки.

Однажды мы ушли за брусникой километра за три-четыре от деревни. Ягод было много. Кисти большие, ягоды спелые, собирались споро. Я набрал полную набирку и высыпал в кузовок, который носил за спиной. Кузовок был сшит лыками из луба и бересты. Очень легкий и удобный. Напал на поляну сплошь покрытую ягодами и стал собирать. Уже вечерело, и

все стали перекликаться, чтобы идти домой. Я молчал, не хотел, чтобы пришли на эту поляну. Голоса стали удаляться, а я все собирал. Когда набирка наполнилась, я побежал догонять, но голос не подавал, думал, что догоню. Начинало темнеть, и я понял, что заблудился. Мне стало страшно.

В деревне у нас люди суеверные и верили во всякую нечистую силу. Я устал и не знал куда идти. Около толстой сосны, на сухом песке, с молитвой очертил большой круг, как Хома Брут в церкви, и лёг спать на этой неприкосновенной территории. Проснулся я от холода. Уже рассветало. Вскоре я вышел на песчаную дорогу и увидел следы босых ног. Пошёл не по следам, а в противоположную сторону. По этой дороге я вышел в поле и встретил людей из села Нестиары. Они меня вывели на дорогу, ведущую в нашу деревню, и километров через десять пришёл домой. Меня уже искали.

Осенью любил ходить в овин, где сушили снопы для обмолота. Летом не успевали убирать урожай. Рожь жали серпами, связывали в снопы этой же соломой. Снопы ставили в суслоны и покрывали снопом в виде развернутого зонтика. Осенью эти снопы свозили на гумно, крытое соломой, и складывали. Вот эти снопы и сушили в овинах для лучшего обмолота. Овин представлял из себя сруб с крышей, без окон, потолка и пола. Под крышей настилали из жердей сушилка. На эти сушилка укладывали снопы и внизу разжигали из дров теплинку. Дверь закрывалась, и тепло поднимаясь вверх сушило снопы. Около огня дежурили и разговаривали о разном. Я любил слушать эти разговоры, а ещё больше любил есть картошку, испечённую в горячей золе.

Зимой в морозные дни девки и парни снимали квартиру у одинокой бабушки для посиделок. Это было что-то вроде клуба и называлось беседками. Ребята обеспечивали дровами, а девушки следили за чистотой. Во время посиделок девушки пряли пряжу, пели разные песни. Ребята разными шутками завлекали их и через посредников брали веретено и требова-

ли выкуп – это на кухне за перегородкой поцелуй в щеку. Это была веселая игра ни к чему не обязывающая, и партнёры в разные вечера менялись.

Я в детстве переболел золотухой, на шее был большой нарыв. Отец проткнул его насквозь, и у меня образовался большой шрам с отверстием между частью кожи и шеей. Мне за перегородку принесли веретено для выкупа, но девушка с брезгливостью сказала: «Отдай, леший гнилой, веретено, а то батьке скажу». Я не особенно обиделся, ведь я и на самом деле был худосочным и бедно одетым. Но задумался и решил во что бы то ни стало выбиться в люди.

Но на эти посиделки так же продолжал ходить, так же приносили мне веретена от разных девушек, и я с разными прибаутками возвращал их без выкупа. А у девицы, обозвавшей меня, веретено в ту зиму больше никто не забирал.

Жил в нашей деревне сапожник, звали его Петров. Не знаю, это была его фамилия или отчество, но так его все звали. Он был невысокого роста, сухощав, с каким-то добродушно-лукавым взглядом. Жили они с женой вдвоём бездетными. За работу он брал недорого, а совсем бедным за небольшой ремонт говорил: «Когда разбогатеешь, тогда и расплатишься».

К нему сходились мужики послушать его рассказы, пока он чинил им обувь. В деревне знают всю подноготную каждой семьи, и он рассказывал это в виде сказок, примерно так: «В одном селе жил мужик неглупый, как он думал, работающий, как он себя считал, а дела у него шли вот так-то...» Все смеялись, а кто больше всех смеялся, переходил на другой рассказ. «Или вот в другой деревне жил тоже видный мужик», и рассказывал что-то похожее уже на того, кто больше смеялся. На него не обижались. Он в своих сказках с сочувствием относился к этим работающим, но забитым бедностью неграмотным людям.

Или во время престольного праздника Троицы. Молодёжь и гости из ближних деревень с гармошкой и песнями ходили из конца в конец деревни, взявшись под руки. На се-

редине деревни около магазина останавливались, танцевали, плясали с частушками. Парни вызывали друг друга на борьбу или по ушкам. По ушкам – это когда руки соединяли и прикладывали к своему уху. Договаривались друг с другом и по очереди ударяли по сложенным ладоням. Выбранные судьи следили за соблюдением правил. Иногда договаривались, кто послабее – бьёт два раза, а в ответ получает один удар, иногда падает от него. Когда это гулянье в разгаре, Петров в белой вышитой рубахе, подпоясанной пояском с кистями, выходит и говорит на полном серьёзе: «Я знаю разные приемы как надо бороться. Кто хочет попробовать – подходи». К нему подходит здоровый сильный парень, но Петров говорит, что с одним бороться не интересно, вот если ещё найдется кто смелый... Я и двоих сразу уложу. Выходит еще крепкий парень, но уже вызов воспринимает с юмором. Петров входит в раж, ощупывает их плечи, имитирует выпады, как он может свалить обоих. Затем отходит от них подальше и говорит: «Ну, не дураки ли большие, а без гармонии». Толпа хохочет, веселье продолжается.

Но в этот праздник у взрослых мужчин свои разборки. Если кто-нибудь за год сделал много плохого, то его Маленчик (так звали Ивана Ивановича Вавина за его большой рост и великую силу) обнимал и говорил – хороший ты мужик, все мы тебя полюбили, дай-ка я тебя пожалею, и сжимал его как удав. Рядом стояли мужчины, чтобы не вздумал кто заступиться. Но это делалось справедливо от имени большинства жителей. А вот сын его Савелий, тоже обладающий большой силой, шофёр леспромхоза издевался над более слабыми шоферами без всяких на то оснований. И один из обиженных после его унижений ударом ножа отомстил за всех.

Но вернёмся к Петрову. В крепкий зимний мороз едут на базар несколько подвод. Дорога дальняя и все лесом. На какой-нибудь подводе собираются по три, пять человек, большинство в добротных овчинных тулупах. А Петров в суконной поддёвке больше идёт рядом, чем сидит. Вот один из богатых седоков в

тёплом тулупе говорит: знатный морозец, знобит, да не скажу кого, намекая на Петрова. Тот моментально парирует: да разве ты скажешь, что от Спири (Спиридона) твою Фёклу знобит. Не было кому записать его сказки и экспромты, а это был своего рода деревенский «Василий Теркин».

В голодный тридцать третий год есть было нечего, а соседка спрашивает у нашей мамы, нет ли аппетитных капель. Стойкий, неунывающий характер наших людей проявлялся и проявляется в повседневной жизни.

Языческий праздник – масленицу отмечали особенно празднично. Прорасщивали рожь, готовили солод, и в больших глиняных корчагах варили сусло. Пекли блины, пироги, и соседи ходили друг к другу в гости, угощая самым лучшим, что у них было.

Лошадей за неделю до праздника усиленно кормили овсом. И вот выезжают со всех дворов отдохнувшие лошади, запряжённые в разукрашенные санки. В гривах коней вплетены разноцветные ленты, и на дугах ленты и колокольчики. Празднично, весело, все нарядно одетые. Нас на дедушкиной лошади прокатили по всей деревне из конца в конец. Затем разрешили проехать одним. Наказывали с дороги не съезжать из-за глубокого снега, а кричать, чтобы с дороги уходили. Правил лошадью дедушкин племянник, сын его сестры Василий Прокудин, тоже погибший на войне.

Проехали по всей деревне, развернулись и помчались обратно. Уже недалеко осталось до дома, как на дорогу вышел Терёха. Мы дружно закричали, но он продолжал идти. Сбили его и подъехали к дому. Отдали лошадь, а сами разбежались, ожидая наказания. Оказалось, что этот Терентий был глухой. Его санками отбросило в снег без ушибов.

В начале праздника жгли большой костер один на всю деревню, около ворот, через которые проезжали, вернувшись с базара люди. Мы ворота закрывали и требовали выкуп. Среди проезжавших были чьи-то из нас отцы, деды, дядья и давая

своим гостинцы, угощали и всех остальных. Тогда мы широко отворяли ворота и кричали, здравствуй, масленица!

Через неделю на прощёный день мы вечером вновь зажигали костер, но уже на пригорке ведущем в пойму речки. Спуск был не очень крутой, но достаточный, чтобы на санях без лошади, как Емеля, съезжать до самого Быстреца с криками и визгом. За одной группой на других санях так же катилась другая, за второй третья и так далее. Сани оставляли в таком виде, как они останавливались. Костёр усиливали и дружно кричали: прощай, масленица! В этот прощёный день никогда никаких драк не возникало. Утром взрослые разбирали свои сани. Нас за это никогда не ругали.

Когда застывала речка, мы выходили кататься на лёд. Кто просто на своих лаптях, а кто постарше на деревянных коньках. У начинающих лезвие конька было широкое, сантиметра полтора. На таких легче было учиться. У некоторых лезвия коньков были оббиты полосками жести. На таких коньках скорость увеличивалась. От катания на льду лыжи в лаптях быстро изнашивались. Мы с другом отрезали гужи у хомута, нарезали тонкие ремешки и вплетали их в ячейки лаптей. Так лапти дольше не изнашивались и лучше скользили. Лыжи делали из ольхи. Они лёгкие, и снег меньше прилипает.

Первый Первомайский праздник запомнился так. Несколько человек с красным флагом (на две чисто остроганные палки привязали красное полотно длиной метра два и шириной сантиметров в семьдесят) напористо шли по улице. За ними бежали мы – толпа босоногих мальчишек. И ещё мы в школе готовили концерт на этот праздник. Около крыльца школы собрались родители всех трёх классов. Разыгрывали пьесу, где были кулак, батрак и Первомай. Я в пьесе играл Первомай. Мама покрасила мою холщовую рубашку в какой-то красно-бурый цвет. Первомай должен быть в красном.

Сцена первая.

Ученики изображали гуляющую публику с гармонью,

плясками. Среди них был и батрак, одетый хуже других. Входит кулак в чёрной поддевке с большим животом и приказывает батраку: Марш домой садить картошку. Я добром тебя прошу.

Батрак: дай, послушаю гармошку, да с братвою попляшу.

Кулак довольный собой прохаживается и говорит: Эх ты, жизнь моя, малина. Прошка тут и Прошка там (и повернувшись к батраку строго ему) – Пошевеливай, скотина, а не то по шее дам.

Батрак неожиданно дерзко: Мы по шее сами смажем, нынче нету дураков. Обожди, мы вам покажем, как позорить бедняков.

Слов Первоя не запомнил ни одного. Такое восприятие классового расслоения деревни.

Около правления колхоза, на улице проводилось какое-то собрание, и надо было выбрать делегата в район. Кто-то на смех предложил избрать Домну Ефимову, самую неряшливую женщину в деревне, но активную комбедовку. Проголосовали и с тех пор её стали звать делегаткой. В деревне создавали колхоз. Лошадей сводили в одну конюшню. Люди вступали неохотно. Некоторые сами не шли и отговаривали других. По какому-то поводу из района приехал следователь. Его называли угол розыска (уголовный розыск), а фамилия Каменев. Взрослые говорили об этом с каким-то страхом. Мы, ребяташки, тоже обсуждали, кто что слышал.

Я предложил создать «самосильный уголок» даже сильнее уголрозыска, а себе придумал фамилию Кремнев. Через дорогу от нас жила семья инвалидов. Хозяин дома Антон с детства хромой на обе ноги. Жена его Фёкла тоже инвалид, не действовала одна рука. У них были дети – сын Иван, звали мы его Ванька Антонов, не знаю, это его фамилия или просто по отцу называли, и дочь. Ваня был старше меня на год. Родители у них ходили по миру, собирали милостыню. Под окнами домов они певучими голосами просили: подайте милостинку Христа ради. Им подавали ломоть хлеба, кусок пирога, а где отказы-

вали, говорили, бог подаст. Тогда они шли к другому дому, повторяя эту процедуру. Это была своего рода соц.помощь. Они уходили в разные деревни и приходили только на другой день. Я часто находился у них. С Ваней играли в шашки. Шашки мы делали из липы: нарезали цилиндриков со спичечную коробку и кололи их на две половины. Разбрасывали на стол эти шашки и щелчками били одной в другую. Когда эта нехитрая игра надоедала залезали на печь и слушали, как завывает ветер в трубе и говорили о чём-то. Под вечер нищие приходили домой, высыпали из котомок всё собранное и начинали сортировать. Цельные куски откладывали для сушки. Надкусанные пироги и ватрушки складывали отдельно и давали нам с Ваней.

Однажды наши матери нас с Ваней взяли с собой на базар. На базаре было много разного товара: глиняные горшки, плошки, кринки, игрушки из глины, свистульки. Из дерева бочонки, кадушки, деревянные лопаты, лапти, кузовки, набирки, корзинки. Из пряностей – калачи, кренделя, пряники разных форм, мёд.

Купили нам калач пышный с удивительно вкусным запахом и плошку жидкого свежего мёда. Этим мёдом мы с другом объелись, и в дальнейшем я мёд не ел.

В районном центре Воскресенское, где проходил базар, наши деревенские снимали квартиру для ночлега, вроде дома заезжих. Это был просторный пятистенный дом чисто вымытый. В то время потолки, стены не белили и полы не красили. Всё было натуральное дерево. Мыли водой, тёртым кирпичом и хвощём.

Второй раз я попал в Воскресенское вместе с ребятами на какие-то соревнования. Зашли в магазин, на витрине под стеклом увидели конфеты «Арктика». Нас было пять человек. Пока продавец продавала разные продукты, мы загородили собой витрину, приподняли стекло и взяли пять конфет в очень красивой обёртке и ушли. Возможно, продавщица и заметила

наши проделки. Но мы взяли только пять конфет, а на витрине их было много.

Всегда горячие

После двухмесячной учёбы в пятом классе я был вынужден оставить учёбу и стал нянчиться с ребёнком у моего дяди по материнской линии Павла Михайловича. Жена его Анна Андреевна преподавала в школе, и с её помощью я изучил школьную программу за пятый класс. Мне выдали справку об окончании пятого класса неполной средней школы. Павел Михайлович работал бухгалтером, но за пьянку был уволен и временно работал в лесничестве. Заготавливал хворост-неликвид. Один день он взял меня убирать этот хворост и складывать для замера кубатуры. Позднее я узнал, что это была прочистка молодняков, где вокруг сосёнок вырубались осиновые и берёзовые стволы, чтобы на площади оставалось больше сосновых деревьев, как более ценных.

Во время летних каникул Анна Андреевна получала отпуск, и я мог ехать домой, но одного меня непустили. За мной приехал отец, и мы поехали через город Горький. Там на привокзальной площади я впервые увидел так много людей, и все куда-то спешили. Ребята моего возраста торговали обычной питьевой водой в эту жару. Женщины торговали пирожками. Перебивая друг друга кричали: «Пирожки! Пирожки! Всегда горячие». Я недоумевал, как они могут быть всегда горячими. Отец купил мне два пирожка. Они были чуть теплыми, но далеко не горячими и даже не допечёнными.

Я вспомнил суетливую привокзальную толпу и тех торговков «горячими пирожками» в связи с предвыборными обещаниями всех претендентов на президентских выборах и чиновников разных уровней, у которых ими «испечённые пирожки», как у тех базарных торговков «всегда горячие».

Разные судьбы

Вспоминаются из детства случаи, которые могли оказаться трагическими. Мы с Виктором Вавиным (сыном Маленьчика), они жили рядом с моей бабушкой, в одно воскресение, когда мать его куда-то ушла, наломали коробок дурмана, вымыли, положили в глиняный горшочек и поставили в горячую печку томить. Нам кто-то сказал, что от дурмана человек становится как пьяный. Через некоторое время получилась коричневая масса вроде варенья. Вынули из печки и стали пробовать, но так как этот сироп был очень горячий, мы стали ждать, когда он остынет. На наше счастье пришла Витина мать, подняла шум. Пришла моя бабушка Василиса Кузьминична и соседские женщины. Стали заставлять нас пить молоко и спрашивали сколько мы слизали этого яда. Но поскольку мы не успели попробовать своё изделие, то всё обошлось благополучно. Нам объяснили, что этот яд хуже белены, и дурман повыдергивали и уничтожили. И второе. Мы втроем: Витя Вавин, Федюха Морозов и я решили убежать из дома в город Горький. Пошли не в сторону Семёнова, а напрямик через Керженские леса в Горький. Дошли до села Нестиары, где у Виктора были родственники. Они узнали о цели нашего похода, и мы были возвращены домой так и не испытавши самостоятельной жизни.

Виктор был очень сильный, как и все Вавины. На фронте был ранен, получил инвалидность (атрофия руки). После войны устроился в г. Горьком на работу, связанную с поездкой в Монголию. Подделал какие-то документы и получил партию каракулевых воротников. Приехал домой очень богатым и довольно щедрым, многим раздал подарки и уехал снова на работу. Но вскоре был арестован и осуждён.

Рассказывали, что после отсидки срока или амнистии пришёл домой уже не щедрым богачом, а пьяницей, который терроризировал своих близких родственников и соседей. После одного из скандалов он умер в бане. Говорили, что его

отравили угарным газом, закрыв трубу в бане при горящих углях. Я восьмидесятилетним ездил на свою родину и со своим внуком посетил кладбище. Попутно с сыном двоюродного брата разыскал могилу Виктора Вавина. Она находилась вдали от могил родных, на конце кладбища и не огорожена. На других же могилах Вавиных, в том числе и у Савелия, которого заколол шофёр, стоят надгробия и приличная металлическая ограда.

Большим праздником для нас был приезд цыганского табора. На нескольких подводах рысью въезжали в деревню. Сворачивали в пойму реки Быстрец. Там появлялись шатры и костры около них. Звучали удары молотков по наковальням. Цыганки очень проворные, в разноцветных широких, длинных юбках растекались по деревне гадать. Мы сбегались к кострам. Нас очень приветливо встречали, показывали кинжалы и предлагали нам сделать такие же из старых напильников за куриные яйца. Новых напильников брать не велели. Вечером табор оживал. Слышались цыганские песни, громкий своеобразный приятный говор и пляски цыганят. Пышные перины и весь дом у них всегда с собой, и везде у них Родина. Свободный своеобразный народ.

Уезжали так же внезапно, как и появлялись. После их отъезда наши матери не досчитывались яиц в корзинах, у отцов терялись старые напильники, а женщины недоумевали, как они отдавали цыганкам свои вещи за гадание.

На фронте цыгане мне не встречались, а вот в госпитале видел одну цыганскую девушку, раненую в ягодицу. Было ей около двадцати – двадцати двух лет.

После войны цыганам определили постоянное место жительства в разных областях и обязали устраиваться на работу. В нашем посёлке остановилось их семей десять, и только один поступил на работу в химлесхоз. Остальные мужчины не работали. Устраивали постоянные пьянки и разборки между собой. Их барон Роман не пил (у него была язва желудка) и регулиро-

вал их взаимоотношения. Цыганки гадали в посёлке, где было пять тысяч населения и в окрестных деревнях.

Теперь цыгане сменили лошадей на легковые машины, а бароны – шатры на роскошные особняки и стали более высокомерными.

Приходилось общаться с евреями. Зимой сорок пятого года уже в Восточной Пруссии к нам на фронт прибыл капитан из охраны Кремля. Ему было лет за тридцать. Его назначили командиром стрелковой роты нашего батальона. Во взводе связи не хватало телефонных аппаратов, и мы с ним пользовались одним аппаратом на стыке рот. На фронте он был впервые. Мы с ним познакомились, и я рад был, что рядом старший по званию, возрасту и образованию. Он был кадровым офицером и службу проходил в подразделении по охране Кремля с начала войны. По национальности еврей. Говорили с ним о многом, но о службе по охране Кремля он ничего не рассказывал.

Мы вели наступательные бои, и потери в ротах были значительными. А конца войны и в помине не было. По этому поводу он высказывал свои соображения, что раз освободили свою территорию, то можно бы войну и закончить.

Во время очередного наступления он был ранен пулей в живот. Я был рядом и видел, как быстро он бледнел, становясь как-то необычно белым. Я приказал своим и его связистам осторожно нести его в санбат на плащ-палатке вчетвером. Ему высказал надежду на выздоровление, но он знал, что ранение в живот очень опасно. Уже слабея, сказал мне, чтобы я постарался остаться живым и не подниматься первым в атаку.

Летом много времени проводили на реке Быстрец, вытекающей из озера Нестиар. Озеро достаточно глубокое до двадцати метров, и площадь водного покрова около тридцати га. Вода в озере чистая, а в речке, протекающей через лес, чистейшая. В речке было много рыбы и раков. Раков в пищу не употребляли и их не ловили. Ели их только городские. Зеле-

ных раков кидали в кипящую воду, а после варки доставали их красными.

Рыбу взрослые ловили только перед праздниками бреднями и недотками. Мы бегали смотреть, как выбредая на берег в мотне билась разная рыба. Особенно энергично плескалась крупная щука, и безразлично относился налим.

Ловили столько, чтобы хватило на уху и пироги с рыбой. Лишнего в запас не ловили, а мелкую отпускали обратно в речку. На речке были бочаги глубиной до двух метров, шириной пять-шесть метров и длиной до десяти метров. В таких местах водились щуки и налимы. Там мы рыбачили по-своему. Делали в узких местах перед бочагом запруду, и при выходе из бочага тоже запружали. Получался замкнутый водоем. В нём с разных сторон боталами мутили воду. В мутной воде рыба подплывала к берегу, где вода очищалась быстрее, и высунув голову с жабрами, стояла неподвижно в воде. Первыми появлялись шурята, за ними крупные щуки, и в последнюю очередь появлялся большеголовый налим, где-нибудь между корнями деревьев и корягами.

Ловили такую рыбу решётками или даже просто руками. Решётки плели из луба диаметром сантиметров сорок и высотой сантиметров двадцать – тридцать. Дно заплетали узкими полосками лыка с сантиметровыми ячейками.

В мелких места много водилось огольцов (по-местному месказобов), и в чистой воде их хорошо было видно. Особенно много их скапливалось на маленьких водопадах. Они были небольшие, сантиметров восемь-десять, толстенькие и без чешуи. Ловить их было просто. Иногда вилкой, действуя как острогой, налавливали пол-литровую банку. Чистили и тут же у речки варили в подсолённой воде. Уха получалась очень вкусная, особенно когда добавляли пшено и лук. В заводях в стоячей воде водились вьюны. Мы их ловили, но не ели. Они похожи на ужей, только поуже и повыше.

Но больше всего в жаркую погоду мы купались в Вершинке, так почему-то называли большой бочаг, очищенный и

пригодный для купания. Берег был чистый, пологий. Мы глубину определяли по-своему: по колени, по пояс, по грудь, по шейку и с ручками. Это когда взрослый уходил под воду с поднятыми вверх руками.

Купались большими ватагами со всей деревни, где старшие ребята учили младших. Их допускали купаться там, где вода было по колено. Там они ложились грудью на берег и ботали ногами об воду. Затем и грудь в воде, на берегу только голова. После этого заходили где вода по пояс и учились опускаться с головой под воду. Пробовали нырять. Постепенно начинали плавать по собачьи и привыкали держаться на воде. Постарше ребята переплывали бочаг на другой берег. С крутого берега прыгали в воду и ныряли, кто дольше продержится под водой.

Купались до посинения и отогревались на песчаном берегу. Всё это проходило без надзора взрослых, но не было случая, чтобы кто-то утонул во время купания не только в нашей деревне, но и в других сёлах. А вот взрослые иногда при купании тонули, когда были пьяные. Мой однокурсник по лесному техникуму Сухарев Николай Семёнович богатырского телосложения и добрейшей души человек, прошедший войну без ранений и сохранивший отличное здоровье погиб при купании.

После войны он работал матросом на маленьком мелководном парходике, курсировавшем от районного центра Воскресенское до станции Ветлужская 80 км. Этот плавучий транспорт останавливался у каждой деревни, расположенной на берегу Ветлуги, обслуживая пассажиров при поездках туда и обратно. На берегу реки Ветлуги недалеко от районного центра расположена его деревня. Я во время учёбы в техникуме несколько раз ночевал в доме его трудолюбивых и гостеприимных родителей. Его детство прошло на берегу этой реки, здесь он научился плавать и нырять. Долго мог держаться под водой при нырянии. Иногда ныряя менял направление, выныривал около берега, заросшего кустарником и, набрав воздуха, снова

медленно опускался под воду и выныривал там же, где нырнул. Этот же трюк он проделывал при купании и взрослым, вернувшись с фронта.

Место купания вспоминается, как одно из любимых мест общения с ровесниками в детстве. Вот и он приехал в отпуск из Ульяновской области, где работал лесничим с любимой женой к дорогим и любимым родителям. Встретились с родственниками и решили организовать маленький пикничок на берегу реки в том месте, где вместе купались в детстве и юности.

Немного выпили. В компании были только он с женой и сестра жены с мужем. Радовались жизни, было тепло и солнечно, решили искупаться. Николай с берега с разбегу нырнул и долго не появлялся. Думали, что он вынырнул где-нибудь у заросшего берега. Первой забеспокоилась жена. Стали искать в разных местах по течению реки и нашли его уже утонувшего. Он счастливо закончил войну, приобрёл специальность и женился на любимой девушке. Жизнь его оборвалась в счастливом полёте, коснувшись чистой речной воды. Он не испытал ни болезней, ни старости. Ему не было и тридцати лет. Мы на фронте мечтали, хотя бы один день побыть дома, и тогда можно идти счастливым в смертельный бой. У него эта мечта сбылась. Он из жизни ушёл самым счастливым.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Разные судьбы

Перед боем последний привал.
Все надеждой полны.
Кто-то в первом бою погибал,
Не увидев войны.

А кому-то везло всю войну –
Не убит и не ранен,
Жив, остался в строю
И судьбе благодарен.

Кто-то был награждён,
Но не знал про награду.
Поздно орден вручён,
Он при нём на парадах.

Кто-то в плен угодил
Не по собственной воле,
Лагеря проходил –
Нет печальнее доли.

Кто калекою стал
Без руки иль без ног,
Кто глаза потерял,
Спирт не выпить не смог.

А кого-то с войны
Ждать не стала жена –
К ней презренья полны
И измены такой не списала война.

Война для иных только звуки
И на бумаге слова.
А войну – повседневные муки
Несла на себе вся страна.

До поздней ночи спозаранку
Сражаться приходилось нам,
В сражение танки шли на танки,
Шли самолёты на таран.

Снарядов взрывы нам известны
И бомбы падающей звук,
Огонь и грохот – боя песни,
Перемешалось всё вокруг.

Сошлись с пехотою пехота,
В ходу гранаты и штыки.
Война – тяжёлая работа,
Знают про то фронтовики.

В наступлении

Танкисты скрытые в броне,
В металле спрятаны пилоты,
Горели танки на земле,
Горели в небе самолёты.
Снарядов, бомб и мин разрывы –
Всё в наступленье для пехоты.
Солдаты шли неотвратно,
Собою закрывая ДОТы.
И враг не выдержал, бежит,
Мы овладели их окопом,
И только трупы позади –
Свои и вражьи – общим скопом.
Мы были б рады отдыхать,
В траншеях обогреться раньше,
Но есть приказ нам – наступать
И гнать врага как можно дальше.

Полученные шрамы на войне
О фронте мне напоминают.
Травмы душевные вдвойне
И бередят, и угнетают.

Дождь затяжной, в окопе сырость,
Сползает грязь со стен окопа.
За облаками солнце скрылось.
Промок солдат, как в день потопа.
 Ночные шорохи тревожны,
 И ветер шевелит листву.
 В такую ночь быть осторожным
 Солдату надо на посту.
Иначе враг коварный может
Неслышной тенью подползти.
И только если бог поможет,
Солдат себя может спасти.

Молитесь вы насколько хватит силы
О тех кто не пришёл с войны домой,
Но не вскрывайте братские могилы –
Не нарушайте воинов покой.

В жизни не всё было плохо,
Довелось и любить, и страдать.
Надо жить до последнего вздоха
И заранее не умирать.
 И не ныть, чтоб тебя пожалели,
 Не скулить, чтоб скорей умереть,
 Что все в жизни тебе надоели
 И не можешь ты больше терпеть.

Стал никому ненужный,
Кислый и сердитый.
Не заслуженно заслуженный,
Заслуженно забытый.

Благое дело совершают
И на душе у них светло,
Так угли в пепел превращаясь,
Нам отдают своё тепло.

И рано или поздно
Наступит светлый час –
Не только яблоневый,
Ореховый, медовый –
Придёт общенародный спас.

И ток глухариный где глуше
Течёт по оврагу ручей,
А у берёз на опушке
Уселась семья косачей.

Следы

На снегу зверинный след виднее,
Летом разглядеть труднее их ряды.
Вот и человек живёт – кто как умеет,
В мире оставляет за собой следы.

Листопад, вздыхая, сыплет листья,
Оголяя мир берёзок и осин.
Жизнь людей проходит также быстро,
И листопад людской неотвратим.

Болезней разных накопилось
Их я уже устал терпеть.
А смерть ко мне явила милость –
Даёт возможность доболеть.

Я один и со мной моя совесть,
А совесть в душе – это бог.
От неё никуда я не скроюсь
И без совести жить бы не смог.

Чтоб честным имя сохранить
От подхалимства всякого –
Лучше победнее жить
Чем подлецам поддакивать.

С постоянной заботой
Утром рано я встаю –
Жизнь тяжёлая работа,
От неё я устаю.

О материнском капитале

Родился правнук, назвали Андреем,
Благословляю я его быть первозванным,
В истоке жизни стал он богатеем,
Если не окажется правительство обманным.

Пожелание внукам

Быть в жизни терпеливым,
В семье и на охоте,
И быть неповторимым
На своей работе.

Я прошёл непростую дорогу,
А жил не тужил.
И всё-таки, слава богу,
До естественной смерти дожил.
Иногда появлялось желание
С жизнью счеты свести.
За такое себя наказание,
Боже меня прости.
Из окна как Фадеев свалиться,
От наказания властью уйти,
Как Хемингуэй застрелиться,
Чтобы с ума не сойти.
Живу я теперь неспешно
И смерти уже не боюсь,
Как Есенин я не повешусь
И как Маяковский не застрелюсь.

Сумерки года – предзимье,
Сумерки жизни – предсмертье.
Рожденье со смертью взаимы
И не бывает бессмертья.

От разных переживаний
Просто устал болеть,
Как окончанье страданий
Я ожидаю смерть.

На скорой помощи везут,
Волнения не скрою,
Хотя пока ещё несут
Вперёд головою.

Я в жизни торопился,
Она прошла как день.
Под старость обленился
И умереть мне лень.

Реформы лесные преступны –
Полшага вперёд и три шага назад,
Арендаторы леса подкупны,
И леса кварталами горят.

Мне в мире стало тесно,
По целым дням молчу
И жить неинтересно,
Не знаю что хочу.

Хотелось бы совсем немного –
Вот если б не болели ноги,
Да голова бы не болела,
И не сидеть бы мне без дела.

Без памяти жить стало сложно.
Не помню что куда положено
И не могу спокойно спать.
Да научиться бы не врать...

Друг другу врать – одно лукавство,
И стыдно за прожитый день,
Враньё в масштабе государства
На Родину наводит тень.

Хотя живу излишек
Мне рано умирать –
На пенсию детишек
Надо провожать,
 А правнуков – в науку,
 Их надо подучить,
 И невниманьем внуков
 Себя не огорчить.

Три внука не женаты,
Их надо поженить,
На свадьбы небогатые
Деньжонок отложить.
 И было бы разумно
 Внукам пожелать
 Не грамотных, а умных
 В жены выбирать.

Жена ученая не новость,
Но в жене ценней всего
Её здоровая веселость
И что природой ей дано.

Правнук мой Андрей неутомимый,
Ты отдыхаешь только когда спишь.
Что в жизни ждёт тебя родимый?
Какой ты подвиг совершишь?
 А отдых для тебя не лишний.
 Счастливыми пусть будут твои дни,
 И сохранит тебя всевышний
 От встреч с недобрыми людьми.

Мародёры

Во время войн, в иные поры
Появлялись мародеры,
С убитых брали что попало
И им всё мало было, мало.

Теперь в аренду лес раздали
На целых сорок девять лет,
Мародёры услышали,
Что в лесу охраны нет.

И вот пришли большие воры,
Вагонами корчуют лес.
Это лесные мародёры,
Чей бог один – наживы бес.

Идёт в народе много споров,
Да что поделывать можно тут,
Ведь самых главных мародёров
Миллиардерами зовут.

О желанном помечтайте
Когда делать нечего.
С молитвой утро начинайте
И славьте бога вечером

Ваш образ настолько был ярок,
Мне было тогда невдомёк,
Что это был зимний подарок –
Рождественский нежный цветок.

Ангел

В вечернее зимнее время
Оказались в палате вдвоём
То ангел небесный спустился на землю
В девичьем обличе твоём.
 Святые глаза по девичьи наивны
 Смотрели открыто светло,
 То был мне подарок от бога вестимый
 В волшебный тот вечер на Рождество.
Я на войну уходил не из дома,
Мне говорили – браток не горюй...
И вот я сегодня, в какой-то истоме
Забытый в войну получил поцелуй.

Поздние знакомства

Знакомлюсь я только в больницах,
Они там сочувствуют мне –
Не очень румяные лица,
Но общаться приятно вполне.
 Общение мне помогает
 Вспомнить далёких других
 Но всё-таки, я полагаю
 Поздновато мне думать о них.

Поздний весенний час,
Тёплый загадочный вечер.
Я мысленно трогаю Вас
И не только за плечи.

Ласковый шелест берёзок,
Жужжание майских жуков,
Стройность красивых ножек,
Лёгкий стук каблуков.

От волнения потеют руки,
Ветер ласкает лицо,
И невозможная мука,
Один ухожу на крыльцо.

А было бы нам девятнадцать
Или по двадцать лет,
Мог бы я попытаться
От Вас получить ответ.

Случайно бы Вы проходили
И обратили внимание,
Взглядом своим возбудили
В моей душе ликование.

Напрасные эти мольбы –
Ведь всё это если бы «БЫ».

Утром один просыпаюсь.
Во снах – попался к Вам в плен,
Я мысленно с Вами ласкаюсь,
Целую Вас выше колен.
Что много годов нам неважно –
Влюбляемся мы всё-равно.
В шестнадцать влюбляется каждый,
А под девяносто – не многим дано.

*** Н.В.

Пойдет девяностое лето
Поубавиться в жизни вам честь –
И будет тогда всё это
У камина приятно прочесть.
 Пледом укутав усталые ноги,
 Огонь в полутьме созерцать,
 Забывая былые тревоги,
 Приятное всё вспоминать.
Зависима от непогоды,
И прожитое неповторимо,
Но даже в преклонные годы
Быть хочется кем-то любимой.

Полдевятого десятка
Незаметно прожил я,
А на летнего Миколу
Будет праздник у меня.
 Этот праздник в раннем детстве
 Был особенно любим.
 Старый с Новым по соседству
 Каждый год неповторим.
А под старость день рожденья
Радость не приносит мне,
И при каждом пробужденье
Тают дни, как в грустном сне.

У сосен и зимою
Всегда зелёный вид.
Берёза оголенная
Стыдливая стоит,
 Но на неё садится
 Стая косачей,
 И она гордиться
 Наготой своей.

Живу я давно отрешённым,
Одиночество – не вопрос.
Но даже в мой возраст преклонный
Подарок мне бог преподнёс.
 Случайно или не случайно
 В Рождество повстречались мы,
 Для Вас эпизод этот странный
 С участником страшной войны.

Молчание – сила великая,
Сразу и не понять
Или там ненависть дикая,
Или любовь не унять.

Не делайте работу как-нибудь
И не знакомьтесь с кем попало,
Чтоб и в лесу был ясен путь,
И болото вас не засосало.

Белёсое солнце над лесом осенним,
И свет без тепла так любимого.
Осень Пушкин любил, и родился Есенин
В Рязанском селе Константиново.
 А мне нашептал ветер светлый, весенний
 О первой моей полудетской любви.
На фронте ходил рукописный Есенин –
В землянках познакомились мы.

Фронтовиков я чаще вспоминаю,
Считая уходящие деньки.
Давно я писем уж от них не получаю,
Молчат и телефонные звонки.

У залежалого товара
Срок годности давно истёк,
И мы сошлись с ней как пара
Судьбою стоптанных сапог.
 Она моложе и проворна,
 Но всё-равно собой горжусь,
 Хотя как в русской поговорке –
 Я ей в подмётки не гожусь.

Слишком жарко и душно в палате,
Так же тошно и на душе –
Снятся мне на фронте солдаты
И партизанская жизнь в шалаше.
 А сегодня тошнее чем прежде
 И не девятнадцать мне лет –
 С Верой ходил я к Надежде
 А веры с надеждой уж нет.
Без веры успеха не будет,
Победа сама не придёт.
Останутся стойкими люди –
Надежда последней умрёт.

Ветер осенний, дождливо,
В тарантасе и сыро, и зябко.
И всё же я еду счастливый
По дороге лесной не гладкой.
Всё в жизни радостно мне –
Горжусь полукровным Полётом,
Бляхи медью блестят на шлее,
Доволен семьёй и работой.
Тишина в лесу, тишина,
Лишь деревья шепчут друг другу –
Скоро придёт к нам зима,
И увидим мы снежную выюгу.
Отоспимся зимой, отдохнём,
Не расходуя силы при этом,
А весною все вновь зацветём,
И воспетые будем поэтом.

В глухом лесу под куполом небесным
Молился мысленно в ночной тиши.
В лесничество приехал я безвестным,
И сорок лет в нём с радостью служил.
Мне с детства многое в лесу знакомо –
Родился я в кордоне лесника,
И первые шаги около дома
Прошёл под светлой кроной сосняка.
И в школу я ходил сосновым лесом,
В войну в отряде партизанском воевал,
И много раз в болотистом полесье
Я под покровом леса ночевал.
После войны немного подучился
Как лес родной растить и охранять.
В глубокой старости молился
Охрану леса внукам завещать.
Теперь в лесу под куполом небесным
Осина заменяет сосняки,
В аренде лес для барышей нечестных,
Лесную площадь заселяют сорняки.

Осень затяжная престарелая.
И зимушку давно я ожидаю,
Под деревьями лежат листочки прелые
И под дождём осенним догнивают.
Видел как листва, ещё зеленая,
Падала под пулями в войне,
И парни молодые, не целованные
Шли добивать врага в чужой стране.
Им было восемнадцать в сорок пятом –
Заканчивали в мае ту войну,
И этим недоученным солдатам
Пришлось чужую искупать вину.

В двадцать три родился сын,
В сорок пять успел стать дедом,
Внучек пять благословил,
И внуков тоже пять при этом.
Правнуков пока что три
И трое правнучек желанных,
Будем правнуков растить,
О них заботясь постоянно.
Пока баланс рождаемых
Будет сохраняться,
Надолго род Черняевых
Будет продолжаться.

О нашей стране как миссии
Я говорить не берусь,
Сказка – лесная Россия,
Святая древняя Русь.

Атака

В атаку шли лавиной,
В бою не разобрать –
Где «Господи, помилуй»,
Где «в Бога душу мать».
Рвались тела на части
В разрывах бомб и мин,
Кому какое счастье
Лишь знает Бог один.
Бежали офицеры
С криками «вперёд»!
От страха и от гнева
Скривив гримасой рот.
И все кричали что-то,
И слышалось - а – а – а!
Тяжелая работа,
Жестокая война.
Атака захлебнулась –
Всё надо повторить,
Солдаты, повинуюсь,
Шли сок анчара пить.
Анчара сок – отрава.
Итог боёв такой:
Кому свеча за здравие,
Кому – за упокой.

Пелевину Владу

Ваше «Будем вместе встречать закат» понравилось искренностью и удачными сравнениями. У меня в сборнике «Лесная династия» тоже есть стихотворение «Закаты» Вот такое:

Активно мы жизнь проживали
Закаты дневные в полнеба горят.
Мои сыновья как могли, согривали
Мой сравнительно поздний закат.
Я не испытывал старости муки.
Всем близким хочу пожелать
Чтоб с любовью и пользой трудились внуки
И у всех был достойный и поздний закат.

А вам, милые друзья Юля и Влад желаю как можно позднего и тёплого заката.

А пока ваша песня ещё не допета
И жить вдвоём любо-дорого,
Наслаждайтесь рассветами «без билета»
С радостью долго и поровну.

Вспоминаю о детстве
Не очень счастливым,
И внуки не верят никак:
Росли мы на хлебе
С травой и мякиной,
И на картошке без молока.

Старческое

Ноги судороги сводят,
Пальцы рук – полиартрит,
Мысли сквозняком проходят
Старый мозг их не хранит.
И душа его позднеосенняя
Недовольная ко всем и ко всему,
У стариков нет воскресенья,
Не бывает праздника в дому.
Засыпало снегом деревья.
Кругом тишина, лес заснул.
Задымилась утром деревня,
Затуманился горный аул.

Медицинская сестра

Посвящается медсестре дневного отделения «Гармония» Занфине Асхатовне Чобану.

Занфина – наша медсестра.
Нам это имя непривычно,
Но с задушевностью она
К нам обращается тактично
 Её спокойный голосок
 Нас с добрым утром поздравляет,
 Как летний тёплый ветерок
 Успокоительно ласкает.
Даёт нам много пожеланий,
Лечебный подаёт совет.
Она собой напоминает
Коллег военных грозных лет.

Ненаписанная книга

В глубокой старости человек всё чаще перечитывает свою «ненаписанную книгу», и чем старше, тем меньше остаётся страниц.

Н.Черняев

Ненаписанная книга

Когда бессонницей страдаю,
Ногами иногда не сплю,
Я книгу мысленно читаю
Ненаписанную.
И рукописи не листаю
Потому что её нет,
Но за главой главу читаю –
Какой оставил в жизни след.
Первый след – работу начал
В страшный сорок первый год
Я вышки строил, а не дачи,
(С вышек съёмку проводил
Геодезический народ).
Глава вторая – это служба,
От лениности чистилище.
Попал служить в великий Устюг,
Пехотное училище.
С гражданской жизнью я расстался
На удивление легко,
Душой к учебе привязался
Хоть был от дома далеко.
Конец апреля, сорок третий –
Приказ нам зачитали.
Запомнилась мне дата эта –
Мы офицеры стали.
Погоны с звездочками дали
И командирские ремни,

Чтоб к новой роли привыкали,
Пока на фронт нас повезли.
 И кобуру для пистолета
 Повесили я на тот ремень.
 Нам нравилась игрушка эта,
 Её касались каждый день
Вагон багажный прицепили –
Здесь офицерский наш уют.
Лишь бы нас не разбомбили,
Пока до фронта доведут.
 Вот на центральном фронте мы.
 В резерв полков нас направляют.
 Идут воздушные бои,
 Корректировщики летают.
Кругом траншеи в полный рост
С ходами сообщения...
Барсук завидовать бы мог
Такому укреплению.
 Жара стоит, рожь поспевает
 И колосится на ветру.
 Июля пятый день... Светает...
 Всё началось поутру.
Разрывы мин, снарядов, бомб,
Гул самолеты добавляют,
И танки черною ордой
На оборону наступают.
 Мы отбивали наступленье.
 Пылали танки там и тут –
 Это страшное сраженье
 Курской битвой назовут.
Десну форсировал и Днепр,
В восточной Пруссии сражался.
На ноге оставил след –
С осколком минным повстречался

В жизни война – отрезок славный,
Из поражений и побед,
Но все же он не самый главный,
Хотя и значимый тот след.

Окончилась война. И в свой черёд
Меня демобилизовали.
Женился я в тот самый год,
С женой семью мы создавали.
Родилось четверо детей –
Три сына и одна дочка –
Главный след в жизни моей,
Да и жизни той отсрочка.

После войны не шиковали –
Денежки не лишние.
С женой мы детям помогали
Окончить школу высшую.
Все в институтах отучились
И по стране разъехались.
У них дети появились –
Внуки на утеху нам.

Жена в кровати залежалась,
Сковал её полиартрит,
Последней внучки не дождалась...
С молитвой прах её зарыт.
Один живу. И я привык
К такому одиночеству.
Я просто дедушка – старик
Без имени и отчества.

Проходит грустно бабье лето.
В школу правнуки идут.
Хотя душа ещё согрета
Той мыслью – где-то меня ждут.
И все-таки в душе предзимье,
На равных не с кем говорить.

Ушли ровесники незримо,
И одиноко стало жить.
Сменился строй, сменились люди.
Покорность с алчностью живут,
И притеснения отовсюду
Страну с корнями предают.
Я, как прадеду положено, –
Правнукам даю совет:
Наследить в жизни не сложно...
Сложней оставить добрый след.

Я живу в квартире социальной –
Дали как участнику войны,
И память о прожитой жизни давней
Перебираю годы как календари.
 Под овчинным тулупом в постели
 Создал стариковский уют,
 Ноги немного согрелись,
 И тёплые мысли плывут.
Как в детстве когда-то влюблялся,
Не смея взглянуть на неё,
С ней в классе шестом оказался,
Решил написать я письмо.
 Но почта плохой оказалась –
 Я бросил на парту письмо,
 Она его взять постеснялась,
 И взрослым попало оно.
Директор прочел на уроке...
Я привожу здесь его –
 «Подхожу к селу Егорову
 Гляжу на небеса
 Вспоминать Ваши взоры
 Ваши черные глаза»
Вот и всё, что украл я у Пушкина,
Не добавив к тому ничего.
Годы десятками минули...
Память стучится в окно...

У госпитальной больницы
Плакучие ивы стоят.
Старушки – с морщинами лица,
Под ним на скамейках сидят.
 Знакомясь впервые, друг с другом
 Печальные речи ведут
 О рано ушедших супругах
 И как одиноко живут.
О детях давно повзрослевших,
О внуках и правнуках тож,
И о себе надоевших...
Рассказ друг на друга похож.
 Как без квартир их оставили
 Дети родные и внуки,
 В дома престарелых отправили,
 Обрекли на моральные муки.
И всё же гордятся сынами.
Их – матерей не поймёшь –
Сыны виноваты не сами...
Святая житейская ложь.

В лесу опасная стихия –
Верховой лесной пожар,
Он ветром ветки огневые
За двести метров в тыл бросал.

Там, где рабочие пытались
Горячий вал остановить,
Эти ветки разгорались,
Огонь людей мог окружить.

Дым от огня вдали заметный
Напомнил битву на войне.
Тогда, в июле сорок третьем,
На Курской огненной дуге.

Шум боя, крики, взрывы, стоны.
Горели танки и дома,
Свистели бомбы монотонно,
От взрывов двигалась земля.

Та рукотворная стихия
Смогла людей к себе привлечь –
Четыре года над Россией
Висела как Дамоклов меч.

Рядом женщина живёт –
Красивая желанная,
Себя уверенно ведёт,
Живая не экранная.
 Я к этой женщине привык,
 Смотреть на неё хочется.
 Острый у неё язык –
 Отрежет не поморщится.
Но ласковый нрав у неё
По женской своей сути.
Мне очень нравится её
Весёлое присутствие.

Прекрасна девушка в семнадцать –
Она с весной может сравняться.
И женщина за пятьдесят –
Красивый осени закат.
И сколько б ни было ей лет –
Её любви предела нет.

Жара прохладой сменилась,
Плывут над лесом облака,
Погода резко изменилась,
И гром гремит издалика.

 Всё небо тучи закрывают,
 За хмарью солнца луч исчез,
 Порывы ветра налетают,
 И зашумел дремучий лес.

Шум леса слился с шумом грома –
Сверкают молнии вдали.
Березы наклонились кроной,
Устойчивы одни дубы.

 Свалилась ель, сосна сломалась,
 Где буря мчалась на пролом.
 Лишь полоса за ней осталась –
 Там ветровал и бурелом

Письма военных лет

Просмотрено военной цензурой,
На треугольных письмах штамп.
Писали, что живём недурно –
Нельзя писать иначе нам.

О трудностях войны не сообщали,
Писали, что одетые и сытые.
Военную цензуру уважали
И письма отсыпали не закрытые.

Обратный адрес – почта полевая –
Не города, не области, не местности.
Матери и жены, слезы проливая,
Мучились от этой неизвестности.

Мы снова в наступление готовились
И получали письма из родной сторонки –
Картошка уродилась, сена заготовили
И на кого прислали похоронки.

Мне восемьдесят восемь,
И мудрый врач сказал –
Весь организм в износе.
И лечить не стал.

Рекламы, изречения –
Коммерческая ложь.
Без нашего лечения
Ты дольше проживёшь.

ФОТОГРАФИИ ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Крайний слева – старший лейтенант Черняев Н.И.

Госпиталь. Вручение ордена Александра Невского

Командир партизанского отряда
Бабич Василий Павлович им. Суво-
рова бригады 225 Полесского парти-
занского соединения, и выданная им
справка об участии в партизанском
движении Н.И. Черняева

Справка

Митав Дана тов. Черняеву
 и тов. Василию Павловичу в том, что
 тов. Суворов от состава партизанского отряда
 5-й бригады им. Суворова № 225
 с 5-й партизанской бригады подполковника
 с гостями Красной Армии на
 29 июня 1944 г.

За время пребывания в партизанском отряде
 проявил себя преданным бойцом, совершил
 на своем счету много доблестных дел.
 М. Суворов вратский ищет с женой
 силой и отвагой противника. Д. Митав
 тов. Черняев, гордится выдер-
 жкой, предан партией Василием Павловичем
 со стороны командования отряда и бригады
 и заслуживает на звание.

Иван Павлович Суворов, командир отряда
 № 225 Полесского партизанского соединения

Барковский Евгений Андреевич (второй справа налево). Директор Барышского лесхоза Ульяновской области. Офицер, танкист, участник Прохоровского танкового сражения. Горел в танке. Награждён орденом «Красной звезды».

Угаров Василий Степанович. Директор Сурского лесхоза Ульяновской области, бывший лесничий Калдинского лесничества. Летчик – штурман. Награждён орденом «Александра Невского» за разбомблённый японский аэродром.

Сидоров Иван Васильевич, шофёр Барышского лесхоза. Участник ВОВ. Ленинградский фронт. Вывозил раненых по «Дороге жизни».

Мусатов Михаил Тимофеевич, брат жены Николая Ивановича. Ранен 14 октября 1944 г., умер 15 октября 1944 г. Радист, мл. сержант. Награжден медалью «За отвагу». Член ВКПБ.

*Слева:
Братья Черняевы Александр и Па-
вел.*

*Внизу:
Черняев Александр Николаевич с
лайкой Сободем, перед уходом на во-
енную службу.*

Семейное фото Черняевых: слева на право: Николай Иванович, Наташа, Таня, Саша, Александр, Павел.

Черняев Александр Николаевич во время сборов Киевский военный округ

Справа:

*Три поколения Черняевых:
дед, внук и правнуки Сережа
с Андрюшей*

Внизу:

*Лейтенант запаса Черняев
Иван Александрович. Окон-
чил военную кафедру Перм-
ского государственного уни-
верситета.*

Черняев Иван Александрович второй слева во время учений

Защитники Отечества. Четыре внука и правнук Сережа

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ:

Точка отсчёта	4
Юность	5
В училище	6
О бане	10
На фронт	10
В резерве фронта	11
В партизанском отряде	13
Возвращение домой	15
Учёба в техникуме	17
Калдинское лесничество	22
Переезд в Измайлово	34
Встречи в Константиново	39
Штрихи к портретам	42
Детство	47
Всегда горячие	59
Разные судьбы	60

СТИХОТВОРЕНИЯ

Разные судьбы	67
Война для иных только звуки...	68
В наступлении	69
Полученные шрамы на войне...	69
Дождь затяжной, в окопе сырость...	70
Молитесь вы насколько хватит силы...	70
В жизни не всё было плохо...	70
Стал никому ненужный...	71
Благое дело совершают...	71
И ток глухариный где глуше...	71
Следы	71
Листопад, вздыхая, сыплет листья...	72
Болезней разных накопилось...	72

Я один и со мной моя совесть...	72
Чтоб честным имя сохранить...	72
С постоянной заботой...	72
О материнском капитале	73
Пожелание внукам	73
Я прошёл непростую дорогу...	73
Сумерки года – предзимье...	74
На скорой помощи везут...	74
Я в жизни торопился...	74
Реформы лесные преступны...	74
Мне в мире стало тесно...	75
Хотя живу излишек...	76
Правнук мой Андрей неутомимый...	76
Мародёры	77
О желанном помечтайте...	77
Ваш образ настолько был ярок...	77
Ангел	78
Поздние знакомства	78
Поздний весенний час...	79
Утром один просыпаюсь...	80
Пойдет девяностое лето...	80
Полдевятого десятка...	81
У сосен и зимою...	81
Живу я давно отрешённым...	81
Молчание – сила великая...	82
Не делайте работу как-нибудь...	82
Белёное солнце над лесом осенним...	82
Фронтовиков я чаще вспоминаю...	82
У залежалого товара...	83
Слишком жарко и душно в палате...	83
Ветер осенний, дождливо...	84
В глухом лесу под куполом небесным...	85
Осень затяжная престарелая...	86
В двадцать три родился сын...	86

О нашей стране как миссии...	86
Атака	87
Пелевину Владу	88
Вспоминаю о детстве...	88
Старческое	89
Медицинская сестра	89
НЕНАПИСАННАЯ КНИГА	
Ненаписанная книга	91
Я живу в квартире социальной...	95
У госпитальной больницы...	96
В лесу опасная стихия...	97
Рядом женщина живёт...	98
Прекрасна девушка в семнадцать...	98
Жара прохладой сменилась...	99
Письма военных лет	100
Мне восемьдесят восемь...	100
ФОТОГРАФИИ ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА	101
СОДЕРЖАНИЕ	109

081370002

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

--	--

1р00к

